

ИСТОРИЯ

УДК / UDC 903.22, 623.445

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-186-221

Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи»

Леонид Александрович Бобров¹, Алексей Михайлович Пастухов²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

инженер лаборатории гуманитарных исследований

 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бобров Л. А., Пастухов А. М., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрен *цзюань* 42 цинского источника «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», посвященный вооружению и военной символике мусульманского населения (*хуйбу*), проживавшего на территории Джунгарского государства в последней трети XVII – середине XVIII вв. Данный раздел «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» ранее не переводился на русский язык и не становился объектом отдельного научного исследования. *Цель исследования* — ввести в научный оборот и изучить сведения *цзюаня* 42 «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», касающиеся вооружения и знамен мусульманского населения Джунгарии и Восточного Туркестана. *Результаты.* Рассматриваемое сочинение было составлено по инициативе императора Цяньлуна по результатам присоединения к Цинской империи территории Джунгарского государства. Для изучения новых земель была направлена группа цинских чиновников и европейских специалистов. Основные исследовательские работы в Джунгарии были выполнены в 1756–1757 гг. Изучение Восточного Туркестана завершилось весной 1759 г. В том же году началась работа над текстом, которая продолжалась, с перерывами, на протяжении 23 лет (1759–1782 гг.). В числе прочих над произведением трудились маньчжурские военачальники — участники боевых действий в Центральной Азии. В источнике описаны: три разновидности «мусульманского» клинкового оружия (*кылыч*, *сэлэм*, *ханджар*), копье (*найза*), секира (*айбалта*), лук (*яй*), стрелы (*ок*), колчан (*саадак*), кольчуга (*сауыт*), пластинчатый панцирь (*куяк*), мягкий панцирь (*олбог*), зеркальный доспех (*чар-айна*),

шлем (*дуулга*), пластинчатый пояс (*белдемчи*). Из элементов военного костюма особо отмечены подшлемники и верхние штаны — *шалбары*. Кроме того, описаны две разновидности боевых знамен: *алам* — малые знамена беков; «большое знамя» — *туг*. Описание каждого предмета сопровождается транскрипцией его оригинального названия. В некоторых случаях указываются материал изготовления и основные типовые размеры. *Выводы.* Сопоставление данных «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» с подлинными образцами вооружения и изобразительными материалами показало, что имперские чиновники весьма достоверно описали особенности конструкции и оформления оружия и доспехов народов региона. Некоторые сведения источника являются уникальными и не встречаются в других произведениях XVIII в. Цинские авторы соотнесли оригинальные названия оружия и доспехов с их конструктивными особенностями, что открывает широкие перспективы для более детального и всестороннего изучения письменных произведений и эпоса тюркского населения Центральной Азии.

Ключевые слова: «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», Восточный Туркестан, Джунгария, оружие, доспехи, знамена

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 186–221. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-186-221

Weapons and Banners of Moslem Population in East Turkestan and Adjacent Territories, Mid-18th Century: A Case Study of *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi*

Leonid A. Bobrov¹, Alexey M. Pastukhov²

¹Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Associate Professor
 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

²Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Engineer, Humanities Research Laboratory
 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinese warfare@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bobrov L. A., Pastukhov A. M., 2021

Abstract. Introduction. The article deals with the *juan* (chapter) 42 of the Qing source “*Qinding Huangyu Xiyu tuzhi*” written in the second half of the 18th century and devoted to the weapons and banners of the Muslim population (*Huibu*) of the former Dzungar state. The chapter has not been previously translated into European languages and has not been the object of a special study either. *The purpose of the research* is to examine and introduce this new data for scholarly attention and further inquiry. *Results.* The compilation of the document was initiated by Emperor Qianlong after the territory of the Dzungar state was annexed to the Qing Empire. A group of Qing officials and of European specialists was sent to explore the newly acquired lands. The work in Dzungaria was largely carried out in 1756–1757, while the study of East

Turkestan was completed in the spring of 1759. The work on the text itself began the same year to continue for about 23 years (1759–1782). Manchu military leaders who participated in the war in Central Asia took part in the compilation of the document, too. The chapter under study describes three types of bladed weapons of the Muslim population in the region (*kılıç*, *selem*, *hançer*), spear (*naiza*), ax (*aibalta*), bow (*yay*), arrows (*ok*), quiver (*saadak*), chain mail (*sauyt*), plate armor (*kuyak*), quilted soft armor (*olbog*), mirror armor (*char-ayna*), helmet (*duulga*), and plate belt (*beldemchi*). Special attention was given to such parts of military suits as quilted liners of helmets and upper trousers (*shalbars*). Also, two types of battle banners are described in detail, such a *salam*, the small banner of *beys* and *tug*, a big banner. Each item is supplied with a description and the transcription of its original name. In some cases, the material used for their manufacture and typical sizes are indicated. *Conclusions.* The data of the written source under study compared with authentic samples of weapons and pertaining visual materials has shown that the Qing officials described the weapons and banners of the region with high degree of reliability. Some of this information is unique and can be found in no other sources of the period. The authors pointed out correlations between the original names of the weapons and armor with their constructive features, which opens new avenues for further research of the written works and epics of the Turkic population of Central Asia.

Keywords: “Xiyu Tuzhi”, East Turkestan, Dzungaria, weapons, armor, banners

Acknowledgements. The reported study was funded by state assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Weapons and Banners of Moslem Population in East Turkestan and Adjacent Territories, Mid-18th Century: A Case Study of *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi*. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(2): 186–221. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-186-221

Введение

Во второй половине 50-х гг. XVIII вв. многолетнее противостояние Джунгарского государства и Цинской империи завершилось в пользу последней. К Поднебесной были присоединены обширные территории Центральной Азии, на которых проживало многочисленное монголо- и тюркоязычное население. Для повышения эффективности управления новыми землями следовало составить географические карты, зафиксировать новые границы империи, а также разобратся в особенностях общественно-административного устройства, истории, в материальной и духовной культуре местных народов. В числе прочих вопросов маньчжурские власти интересовало вооружение и военное дело ойратов, а также мусульманских подданных Джунгарии, оказавших цинским войскам упорное сопротивление.

Для решения данной задачи в регион была отправлена специальная исследовательская экспедиция. Указ о ее проведении был издан 25 марта 1755 г., то есть еще до того, как цинские войска успели захватить долину р. Или — политический центр Джунгарии. Наряду с высокопоставленными цинскими чиновниками в состав экспедиции были включены и европейские специалисты. Полученные данные предполагалось систематизировать, проанализировать и в перспективе издать в виде отдельного сочинения, адресованного представителям правящей элиты Цинской империи, а также государственным служащим разных уровней [Бобров, Пастухов 2021: 510–517]. Главным инициатором и вдохновителем экспедиции был непосредственно император Цяньлун (годы правления: 1735–1796).

Как показало специальное исследование, основные работы по сбору сведений на территории Джунгарии были выполнены в 1756–1757 гг. Изучение Восточного Туркестана завершилось весной 1759 г. В том же году на основе собранных данных началась работа над текстом, которая продолжалась, с перерывами, на протяжении 23 лет (1759–1782 гг.). В числе прочих над произведением трудились маньчжурские военачальники — ветераны боевых действий в Центральной Азии: Агуй, Чжаохуй, Шухэдэ и др., которые принимали непосредственное участие в сражениях с ойратами Джунгарии и мусульманами Восточного Туркестана. Снабженное географическими картами, ксилографическое издание «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» ('Высочайше утвержденное описание Западного края с картами') было опубликовано в 1782 г. [Бобров, Пастухов 2021: 510–517].

Давая оценку «Сиюй тучжи»¹ как историческому источнику, следует отметить, что это самое масштабное, разностороннее и подробное исследование, посвященное Центральной Азии, среди всех китайских произведений, датированных эпохой Древности, Средневековья и раннего Нового времени. В значительной степени это обусловлено особым отношением к данной работе со стороны императора Цяньлуна. Правитель Поднебесной лично контролировал процесс составления текста, а также утверждал кадровый состав руководства комиссий, занимавшихся подготовкой произведения. Особое внимание при этом уделялось достоверности собираемых сведений. Значительная часть информации была получена непосредственно от представителей местного населения, в том числе ойратских и тюркских феодалов, хорошо знакомых со спецификой подчиненных им земель. Это было сделано в 1756–1759 гг., то есть практически сразу после включения Джунгарии и Восточного Туркестана в состав Цинской державы, когда воспоминания о суверенном периоде существования «Последней кочевой империи» были еще свежи. Собранные данные проверялись и уточнялись цинскими военными и гражданскими чиновниками [Бобров, Пастухов 2021: 510–517].

Указанные факты свидетельствуют в пользу высокой научной ценности «Сиюй тучжи» как источника по истории и этнографии Джунгарии и Восточного Туркестана первой половины – середины XVIII в. Однако необходимо учитывать, что указанное сочинение представляет собой сложное многоплановое произведение, в котором актуальная информация с мест перемежается вставками из более ранних китайских исторических хроник, а также иными материалами [Бобров, Пастухов 2021: 517].

В историографической перспективе материалы «Сиюй тучжи» неоднократно использовались исследователями при изучении истории народов «Западного края»² первой половины – середины XVIII в. Однако различные сведения, содержащиеся в указанном сочинении, привлекались весьма неравномерно. Так, например, если данные по общественно-административному устройству и экономике Джунгарии активно анализировались и публиковались в научных

¹ Данный сокращенный вариант названия подтверждается его упоминанием в императорских указах, а определение *Циньдин* (высочайше утвержденный) этот труд получил в 1782 г.

² *Сиюй* (西域, Западный край) — древнее название территорий провинций Ганьсу и Синьцзян. Для обозначения указанных территорий также использовался термин *Сичуй* (西陲), то есть «Западные окраины».

статьях и монографиях, то некоторые другие разделы «Сиюй тучжи» долгое время не становились объектом научного исследования. К их числу относятся и сведения об оружии, доспехах и знаменах мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий.

Цель исследования — ввести в научный оборот и изучить сведения *цзюаня* 42 «Сиюй тучжи», касающиеся вооружения и знамен мусульманского населения Центральной Азии. Данный раздел сочинения ранее не переводился на русский язык и не становился объектом отдельного научного исследования. Вместе с тем указанные материалы представляют значительный интерес для археологов, военных историков, оружиеведов, этнографов, занимающихся изучением военно-культурного наследия народов региона позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Материалы и методы

Главным методологическим основанием оружиеведческих исследований являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение) [Бобров, Ожередов 2021: 12].

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов [Бобров, Ожередов 2021: 12].

Особую ценность для темы нашего исследования представляют сообщаемые авторами «Сиюй тучжи» сведения о линейных размерах предметов вооружения и военной символики народов региона. При переводе в метрические единицы показателей длины нами использованы расчеты У Чэнло, согласно которым в эпоху Цин 1 *чжан* составлял 3,2 м; 1 *бу* — 1,6 м; 1 *чи* — 32 см; 1 *цунь* — 3,2 см, 1 *фэнь* — 0,32 см [Школяр 1980: 358; Бобров, Пастухов 2021: 508–510].

Особо подчеркнем, что в «Сиюй тучжи» приведены усредненные (типовые) размеры предметов центральноазиатского вооружения. Сомнительно, чтобы члены цинских экспедиций и комиссий целенаправленно проводили замеры значительного количества оружия мусульманского населения региона, а затем на основе представительной выборки вычисляли их средние размеры. Последние, скорее всего, устанавливались «на глазок» в ходе осмотра захваченных военных трофеев. Именно эта условная величина и заносилась в документ. Но даже с этой поправкой сообщаемые сведения представляют исключительный научный интерес, поскольку они не имеют аналогов среди других письменных источников рассматриваемого периода.

Кроме того, следует особо оговорить значение термина 回部 *хуйбу* («мусульманские племена») в тексте «Сиюй тучжи». В узком смысле в цинских материалах, посвященных покорению «Западного края», под ним обычно подразумевалось мусульманское население Джунгарского государства, в первую очередь — жители Восточного Туркестана. Однако не исключено, что понятие

«вооружение мусульман» в «Сиюй тучжи» могло трактоваться составителями произведения и в широком значении, в том числе для обозначения комплексов вооружения тех тюркских народов, с которыми Цины столкнулись на своих новых западных границах в ходе покорения Джунгарии. В их числе были, например, киргизы Тянь-Шаня. Представляется сомнительным, чтобы осматривавшие военные трофеи цинские офицеры могли уверенно различать оружие киргизов и типологически близкое ему вооружение предков современных уйгуров³. Во время подавления восстания Амурсаны цинские войска столкнулись и с отрядами казахов. В цинских письменных материалах XVIII в. этнические киргизы (*булутэ*) и казахи (*хасакэ*) обычно отделяются от «мусульман» (*хуйбу*). Однако в синхронных «Сиюй тучжи» произведениях (например, «Хуан Цин чжигун ту») «мусульмане» упомянуты в числе подданных правителей казахских *жузов*⁴. Сопоставление подлинных образцов казахского вооружения с описаниями из «Сиюй тучжи» свидетельствует о сходстве их конструкции и системы оформления. Весьма вероятно, что некоторые виды вооружения, упомянутые в цинском источнике, могли быть близки или даже идентичны вооружению казахов Среднего и Старшего *жузов*.

Сведения цзюаня 42 «Сиюй тучжи» о вооружении и военной символике «мусульманских племен» Центральной Азии середины XVIII в.

О некоторых структурных и содержательных особенностях цзюаня 42 «Сиюй тучжи»

В тексте «Сиюй тучжи» каждому предмету вооружения, снаряжения и военной символики посвящен отдельный абзац, в котором читателю сообщаются сведения об оригинальном названии соответствующего предмета. Затем следует его краткое описание. В некоторых случаях составители «Сиюй тучжи» указывают материал изготовления, а также основные типовые размеры рассматриваемых предметов.

Представленные нами переводы соответствующих пассажей «Сиюй тучжи»⁵ снабжены развернутыми комментариями, которые были подготовлены авторами настоящего исследования на основе сопоставления сведений «Сиюй тучжи» с другими письменными, а также вещественными и изобразительными

³ С XVI в. киргизы являлись постоянными участниками политической борьбы на территории Восточного Туркестана, поддерживая разных претендентов на престол Яркендского ханства. В 1754 г. киргизы выступили на стороне черногорских *ходжей* в их попытке обрести независимость от джунгар. Однако в 1755–1756 гг. они уже поддерживали белогорских *ходжей* против их черногорских противников. В 1758–1759 гг. киргизы вновь вступили в борьбу с белогорскими *ходжами* — частично под давлением Цинов, частично — в силу возникших политических противоречий между киргизскими *биями* и белогорскими *ходжами*.

⁴ Значительную часть XVIII в. казахи контролировали присырдарьинские города, в которых проживало относительно многочисленное (по меркам региона) оседлое мусульманское население. Отметим также, что жители Мавераннахра и Афганистана также именуется в цинских источниках «мусульманами», иногда с уточнением, в каком государстве или городе они проживают.

⁵ Для облегчения восприятия оригинальный текст «Сиюй тучжи» выделен курсивом. Перевод с китайского языка выполнен А. М. Пастуховым по ксилографическому изданию памятника, опубликованному в сканированном виде на сайте ctext.org [ЦХСТ 1782: цз. 42].

источниками XVII–XVIII вв. Подобный подход позволяет оценить степень достоверности сообщений цинских чиновников, что имеет важное значение для определения научной ценности «Сиюй тучжи» в деле изучения вооружения мусульманского населения Джунгарии, Восточного Туркестана и их соседей первой половины – середины XVIII в.

Помимо основной информации с описанием вооружения и военной символики *хуйбу*, в текст «Сиюй тучжи» вставлены стихотворения императора Цяньлуна, посвященные «мусульманскому мечу» (*хуйцзянь*) и «мусульманским стягам» (*хуйду*). Авторы настоящей работы выражают надежду, что данные стихотворные вставки будут переведены и проанализированы в рамках специального научного исследования.

Перевод цзюаня 42 «Сиюй тучжи» о вооружении и военной символике «мусульманских племен» Центральной Азии середины XVIII вв.

*Цзюань 42. Одежда и утварь*². *Мусульманские племена (Хуйбу) <...> Вооружение (Гунчжань чжи цзюй)*⁶

«Кэлинци (克凌齊)⁷. *Сабля (кит. дао 刀)*.⁸ *Их материал — чистая медь (кит. чуньдун 純銅). Их форма изогнутая, а у острия особенно сильно. Рукоять изготавливают из кости крупной рыбы (кит. даюйгу 大魚骨) и твердого дерева (кит. инму 硬木). Ножны изготавливают из рыбьей кожи (кит. юйпи 魚皮) и украшают слоновой костью (кит. сянья 象牙) и панцирем черепахи (кит. даймао 玳瑁). На конце рукояти имеется медное кольцо, к которому привязывается кожаный шнур» [ЦХСТ 1782: цз. 42].*

Очевидно, что под *кэлинци* в тексте «Сиюй тучжи» подразумевается слово *клинч/кылыч/кльч* (др.-тюрк. *qilič* [ДТС 1969: 442], тур. *kılıç* [ТРС 1977: 539]). В эпоху позднего Средневековья и Нового времени данный термин использовался тюркоязычным населением Евразии для обозначения длинноклинкового оружия. В узком смысле он мог применяться как синоним сабли или даже какой-то ее особой разновидности.

Судя по описанию, в «Сиюй тучжи» под *кэлинци* понимаются сабли с сильноизогнутым клинком. К их числу, например, могут относиться популярные среди казахов и узбеков XVIII в. сабли переднеазиатского образца (*шамшир*) и их местные дериваты. Данное оружие было снабжено сильноизогнутым клинком, максимальный изгиб которого приходился именно на нижнюю треть сабельной полосы (ближе к остию). Рукояти среднеазиатских *шамширов* часто снабжались пластинчатыми «щечками» из дерева и моржового клыка, который авторы «Сиюй тучжи», по всей видимости, атрибутировали как «кости крупной рыбы» [Бобров, Исмаилов 2019: 154, 155].

Навершия рукоятей *шамширов* и других разновидностей сабель мусульманского образца иногда дополнялись металлическим кольцом, которое могло быть как подвижным, так и стационарным [The Arts... 2008: 58, 100, 101, 104, 105; Rivkin, Isaac 2017: 134, 135, 186, 187]. В последнем случае оно часто обрамляло сквозное отверстие в рукояти, в которое пропускался матерчатый или кожаный

⁶ Букв. «утварь, [чтобы идти] в наступательный бой».

⁷ Здесь и далее в круглых скобках указывается написание на китайском языке.

⁸ Словом *дао (刀)* в цинских документах середины XVIII в. обозначалось оружие с однолезвийным клинком, в том числе сабли, палаши, ножи, тесаки и т. д. Из контекста данного сообщения видно, что речь идет о сабле.

темляк [The Arts... 2008: 28, 60, 62, 66; Rivkin, Isaac 2017: 189, 231]. Весьма вероятно, что именно эти элементы описаны в тексте как «медное кольцо, к которому привязывается кожаный шнур» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Ножны сабель мусульманского Востока обычно обтягивались кожей, тканью или тонким металлическим листом. В некоторых случаях они украшались узором в виде чешуи [Rivkin, Isaac 2017: 182]⁹. Однако среди известных нам образцов пока не зафиксированы украшения ножен из таких материалов, как слоновая кость и панцирь черепахи.

К числу явных ошибок (описок?) следует отнести утверждение о том, что сабли рассматриваемого образца могли быть изготовлены из «чистой меди». Рукояти мусульманских *клычей* нередко снабжались гардами и навершиями из медного сплава, однако материалом для клинков всегда служило железо (сталь)¹⁰.

«*Сэлиема* (色里葉瑪). Также сабля/палаш (дао 刀). У *кэлинци* (клыча. — Л. Б., А. П.) клинок тонкий. У *сэлэм* клинок, как правило, отличается толщиной. Его форма слегка [вытянута как] прямоугольник, рукоять очень длинная. Те, кто очень силен, используют железную рукоять» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Сэлиема передает монгольское слово *сэлэм* (*selme, seleme*¹¹), которое обычно переводят как «сабля» [Пюрбеев 2009: 284]. Материалы «Синей тучжи», на первый взгляд, подтверждают данную версию. Цинские авторы уверенно соотносят *сэлиема* с *дао* и сравнивают с *кэлинци*, т. е. *клычом*, с его изогнутым однолезвийным клинком.

В то же время *сэлиема* имеет определенные конструктивные особенности. Так, в частности, она отличается от *клыча* большей толщиной клинка и «очень длинной» рукоятью. Форма клинка сравнивается со «слегка» вытянутым «прямоугольником» [ЦХСТ 1782: цз. 42], что более характерно для слабоизогнутой центрально- и восточноазиатской сабли, а также палаша с прямым однолезвийным клинком.

Монголоязычные современники также нередко отделяли *сулемы* от обычных сабель. Так, например, ойратский тайша Чокур, перечисляя свои воинские умения русскому послу П. Кульвинскому, сообщал в 1667 г.: «Лука ли де тенуть не умею или ис пищали стрелять не умею ли или саблюю или *сулемою* (здесь и далее курсив наш. — Авт.) сечь не знаю ли?» [Русско-монгольские отношения 1996: 154]. Возникает закономерный вопрос — что за разновидность длинно-клинкового оружия скрывается под названием *сэлиема/сулема*?

В сообщениях европейских современников *сулемой* называется оружие ойратских, монгольских и цинских воинов, часто с относительно коротким (по

⁹ Также не исключено, что под «рыбьей кожей» цинскими авторами подразумевалась кожа ската. Подобное покрытие применялось для оформления центрально- и восточноазиатского клинкового оружия позднего Средневековья и раннего Нового времени.

¹⁰ Весьма вероятно, что имела место механическая ошибка резчика доски ксилографа — вместо иероглифа «железо» (кит. *те* 鐵) он вырезал иероглиф «медь» (кит. *тун* 銅).

¹¹ Интересно, что по звучанию китайская транскрипция *сэлиема* напоминает русские варианты записи этого монголоязычного термина XVII–XVIII вв. — *сулема, селема, селела, селеба*. В современном монгольском языке финали слов утрачивают гласные. То, что в XVII в. звучало как *сэлэмэ*, в XX в. стало произноситься как *сэлэм*.

сравнению с европейскими аналогами) слабоизогнутым или прямым однолезвийным клинком. Так, например, Юрий Крижанич, находившийся в 1661–1676 гг. в ссылке в Тобольске, уподобляет их палашам, подчеркивая прямой и короткий клинок ойратских *сулем*: «Они сражаются стрелами и *саблями*, но *короче наших и не загнутыми*: их можно сравнить с оружием, называвшимся у римлян „*siccae*“, *сами же они называют их сулимами*» [Бобров, Худяков 2008: 271].

Русский посол Н. Г. Спафарий-Милеску (1636–1708), посетивший Цинскую империю в 1676 г., сравнивает цинские *сулемы* с европейскими саблями, отмечая их более короткий, по сравнению с западными аналогами, клинок: «... и у конных [воинов есть] *сулема*, на то подобие, как у нас сабля, только короче сабли и железо худшее...» [Бобров, Худяков 2008: 271]¹².

До некоторой степени проясняет интересующий нас вопрос описание и изображение оружия *селебе* (казахское произношение заимствованного у монгольских народов слова *сэлэм*), выполненные российским офицером и путешественником XIX в. Ч. Ч. Валихановым: «Сами киргизы делали длинные ножи, или лучше, полусабли, прямые и называли их *селебе* или *джекеауз*; *джекеауз* был несколько короче. *Селебе* и *джекеауз* имели только одну гайку или кольцо для ношения на поясе, которое прикреплялось к самому верху ножен. На рукоятке было тоже кольцо для темляка» [Валиханов 1961: 463–467].

Судя по рисунку Ч. Ч. Валиханова, *селебе* представлял собой разновидность тесака. Он имел широкий, но относительно короткий клинок с прямым обухом и лезвием, плавно сходящимся к острию. К верхней части лишенной гарды рукоятки крепилось кольцо для темляка. Также известны *селебе*, снабженные массивным прямым или слабоизогнутым клинком и металлическим эфесом, что хорошо коррелирует со сведениями «Сиюй тучжи» о значительной «толщине» клинка и «железной рукоятки» рассматриваемого оружия [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Очевидное различие *селебе* у Ч. Ч. Валиханова с описанием *сэлиема* в тексте «Сиюй тучжи» заключается в том, что *селебе* обычно имел стандартную рукоять, в то время как цинские авторы подчеркивают ее существенную длину.

Тем не менее в письменных материалах встречаются упоминания *сулем*, снабженных двуручной рукоятью. Так, например, последние присутствуют на некоторых цинских саблях, в том числе на оружии воинов почетной стражи цинского императора (кит. *любу* 鹵簿). Вероятно, именно эти сабли телохранителей правителя Поднебесной описал в статейном списке своего посольства Спафарий, определив их как «*сулемы* великие позолоченные з двемяручием» [РКО 1972: 397].

Подобные сабли с позолоченным прибором (кит. *идао* 儀刀) сохранились на вооружении императорских охранников и в XVIII в. [ХЛТ 2004: 452]. Схожее, но гораздо более скромно оформленное оружие с двуручной рукоятью применяли и простые цинские сабельщики рассматриваемого периода [ХЛТ 2004: 715–718; *Смертельная красота* 2015: 262 (рис. 198)].

¹² Следует учитывать, что средняя длина клинков европейских сабель XVII в. (ок. 70–80 см) превышала длину сабель и палашей народов Центральной и Восточной Азии (ок. 60–70 см), что в значительной степени и обусловило частые упоминания современников о «коротких», по сравнению с европейскими, клинках народов Центральной и континентальной Восточной Азии [Бобров, Худяков 2008: 271].

В пользу возможности использования воинами Джунгарии и Восточного Туркестана оружия с длинными рукоятями также свидетельствуют палаши XVII–XIX вв., происходящие с территории сопредельного с ними Северо-Западного Китая. Некоторые из них снабжены полуторными рукоятями длиной около 20 см [*Смертельная красота* 2015: 328–330].

Приведенные сведения позволяют предположить, что под *сэлиема* цинские авторы «Сиюй тучжи», вероятно, понимали разновидность длинноклинкового оружия с однолезвийным прямым или слабоизогнутым массивным клинком и длинной рукоятью¹³. Таким образом, в данную категорию могли попадать как палаши и слабоизогнутые сабли, так и тесаки с укороченным прямым или изогнутым толстым клинком¹⁴. В некоторых случаях *сэлиема* могла иметь «железную рукоять», что существенно увеличивало вес оружия, поэтому использовать его в бою, согласно составителям «Сиюй тучжи», могли лишь «очень сильные» воины¹⁵.

Казахские *селебе* первой половины – середины XIX в., как правило, не имели гард. Однако относительно джунгарских и восточнотуркестанских *сэлиема* вопрос не может быть решен столь же однозначно. В исследуемом нами источнике о конструкции эфеса *сэлиемы* ничего не сказано. На цинских картинах второй половины XVIII в. джунгарские слабоизогнутые сабли и палаши с широким коротким клинком обычно снабжены округлыми гардами-*хушоу*, что, однако, не исключает и применение гард других конструкций. В пользу этого свидетельствуют центрально- и восточноазиатские палаши и сабли XVII–XIX вв., снабженные полуторными и двуручными рукоятями и дисковидными, крестообразными, удлинненно-ромбическими и фигурными гардами [*ЖЛТ* 2004: 452, 715–718; *Смертельная красота* 2015: 328–330].

Учитывая, что под указанные в «Сиюй тучжи» параметры *сэлэм* подходят разнообразные образцы длинноклинкового оружия, происходящие с территории Центральной, Средней и Южной Азии, можно предположить, что в эту группу могли заноситься различные (в том числе и разнотипные) сабли (преимущественно с относительно коротким слабоизогнутым клинком), палаши, тесаки — как джунгарского, тибетского, южносибирского, так и мусульманского производства.

¹³ Как уже отмечалось выше, под термином *дао* в цинских материалах XVIII в. понималось оружие с однолезвийным клинком, то есть как сабли, так и палаши.

¹⁴ Подобная атрибуция подтверждается как сообщениями современников, так и цинскими изобразительными материалами второй половины XVIII в. Интересно, что к схожей атрибуции *сулебы*, но уже на основе анализа русских описей XVII в., пришли С. П. Орленко, В. Р. Новоселов, В. С. Курмановский: «Возможно, термин применялся в качестве прилагательного к типу сабли или тесака, отличавшихся усиленным, более тяжелым, широким и толстым клинком, предназначенным в первую очередь для рубящих и секущих ударов» [*Орленко, Новоселов, Курмановский* 2019: 5].

¹⁵ Что конкретно подразумевалось в «Сиюй тучжи» под «железной рукоятью», не до конца понятно. На подлинных предметах центральноазиатского, западноазиатского, южноазиатского и среднеазиатского вооружения (а также на их цинских подражаниях) встречаются как литые цельнометаллические эфесы, так и рукояти, покрытые железными пластинами или обмоткой из проволоки [*Armaments and Military* 2008: 146, 167; *The Arts...* 2008: 71, 80, 84, 89, 100, 101, 104; *Rivkin, Isaac* 2017: 195, 207].

В завершение обзора отметим, что в монгольской военно-культурной среде термин *сэлэм*, вероятно, мог использоваться и в более широком значении. В частности, как синоним слова «сабля» вообще (без учета длины и массивности клинка), что было закреплено в материалах этнографического времени. Однако вопрос о широте употребления монголами термина *сэлэм* для обозначения всех разновидностей сабель в доцинский период требует дополнительного изучения.

«*Найца* (韃哨). Длинное копье (кит. чанцянь 長鎗). Его древко около 1 чжан (около 3,2 м). Его железный наконечник — 7–9 цунь (22,4–28,8 см). Между древком и наконечником для красоты надеты медные кольца, разделенные [кольцами из] бычьей кожи шириной около 1 цунь (около 3,2 см). По длине древка намотан кожаный [ремень] в 9 витков» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

«Найца» является достаточно точной транскрипцией названия копья во многих тюркских языках — *найза*. По мнению современных оружейников, отличительной особенностью копья *найза*, по сравнению с пикой *сунги*, являлось более широкое перо, предназначенное, в основном, для поражения бездоспешного противника [Ахметжан 2007: 109, 110].

Несмотря на то, что рассматриваемое оружие названо «длинным копьем», оно в то же время, в среднем, несколько короче описанной в «Сиюй тучжи» джунгарской пики *джид* (монг. *жад*, *žida*; калм. *жид* [Дыбо 2015: 221; БАМРС, 2 2001: 155; КлРС 1977: 226]). Если последняя имела длину более 3,2–4,1 м, то *найза* — около 3,4–3,5 м (в том числе древко — около 3,2 м) [Бобров, Пастухов 2021: 518]. При этом *найза*, по данным цинских авторов, была снабжена более длинным наконечником: 22–29 см, против 19–22 см у *джиды*.

Весьма интересно замечание составителей «Сиюй тучжи» о том, что верхняя часть копья *найза* украшалась медными кольцами, в промежутках между которыми находились кольца из бычьей кожи шириной около 3,2 см. Возможно, что подобная система должна была не только украсить оружие, но и усилить верхнюю часть древка. В ходе рукопашной схватки именно эта, расположенная под наконечником, часть копья была наиболее уязвима в столкновении с противником, использующим рубящее и ударно-рубящее оружие [Бобров 2013: 187, 190–192]. Кроме того, древко копья усиливалось девятью «витками [ремня] из кожи»¹⁶.

Указанные в «Сиюй тучжи» размеры оружия, в целом, соответствуют размерам копий и пик мусульманских воинов, приведенных на цинских картинах, свитках и гравюрах второй половины XVIII в. Вещественные и изобразительные источники XVIII–XIX вв. также свидетельствуют, что древки копий и пик воинов степной полосы Евразии могли усиливаться витками железной проволоки, железными, бронзовыми, медными кольцами (различной ширины и толщины), цилиндрическими «браслетами» и другими металлическими элементами.

Есть и прямые указания на использование казахами длиннодревкового оружия, украшенного кольцами и обмотанного кожаным ремнем. Так, напри-

¹⁶ Данное описание «Сиюй тучжи» побуждает иначе взглянуть на многочисленные упоминания в эпосах центральноазиатских народов «девятиузловой» пики/копья. Если ранее это обычно воспринималось как художественная метафора, то сообщение цинского источника свидетельствует в пользу того, что обмотка из девяти кожаных петель могла являться реальным элементом оформления длиннодревкового оружия номадов.

мер, «любимым оружием» сподвижника Кенесары Касымова батыра Агыбая «... была девятиузловая пика, красиво украшенная кольцами. Она висела у него на крепком кожаном ремне из кожи кулана» [Бекмаханов 1992: 186].

Таким образом, сведения «Сиюй тучжи» о копьях *найза* можно признать, в целом, достоверными. Однако отметим, что русские письменные источники XIX в. свидетельствуют, что тюркские воины Центральной и Средней Азии (например, казахи и узбеки) могли использовать оружие как меньшей, так и большей длины. Кроме того, в музейных собраниях хранятся наконечники копий и пик кочевников Казахстана и сопредельных территорий, размеры которых превышают указанную в цинском источнике типичную длину наконечника *найза*.

«*Аипалэту* (阿伊帕勒圖). Это лунный топор (кит. юэфу 月斧)¹⁷. Из литого железа (кит. чжэуте 鑄鐵) делают топорище (кит. гань 幹)¹⁸. Его конец острый, как у копья. Около острого конца на расстоянии в 6–7 цунь (19,2–22,4 см) сделано полотно топора (кит. фумянь 斧面). Снизу клинок по форме как полукруг, очень острый, в верхней половине — вытянутый, как прямоугольник. На обратной стороне (кит. бэй 背)¹⁹ имеется более 20 зубьев, похожих на те, что у пилы. Во всех отношениях превосходная вещь, которая может быть использована разными способами» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Под «аипалэту» составители «Сиюй тучжи», очевидно, имели в виду тюркское слово *айбалта* (досл. «луна-топор», «луновидный топор»). В узком смысле под *айбалтой* в XVIII–XIX вв. понималась секира — особая разновидность ударно-рубящего оружия, снабженная бойком с С-образным (месяцевидным) лезвием, концы которого загибались к топорищу. В широком смысле термин *айбалта* применялся в качестве синонима для обозначения боевого топора вообще (без учета формы его лезвия). В последнем значении термин *айбалта* использован и в «Сиюй тучжи».

Судя по описанию формы полотна («снизу клинок по форме как полукруг, очень острый, в верхней половине — вытянутый, как прямоугольник»), речь идет об особой разновидности боевого топора, часто обозначаемого, как «полу-секира». Его отличительной особенностью была асимметричная форма клинка: верхний остроугольный угол полотна был направлен от рукояти (как у обычного топора-*балта*), а нижний, напротив, загнут к нему, как у секиры *айбалта*. По мнению некоторых исследователей, подобный топор обладал «универсальной функцией раскалывающего, рубящего и, частично, режущего удара» [Ахметжан 2007: 117, 118].

«Полусекиры» широко представлены среди находок с территории Западной, Средней и Южной Азии. Образцы с короткой рукоятью часто применялись представителями военной элиты, чиновниками и телохранителями мусульманской знати. Однако подобное оружие могло снабжаться и длинным («кавалерийским») топорищем, позволяющим эффективно использовать топор в ходе динамичного конного боя. Изображения подобного ударно-рубящего оружия приведены на *кулпытасах* Западного Казахстана [Ахметжан 2007: 123 (рис. 103, 3, 5); Бобров, Пронин 2014: 258 (рис. 33, 34)].

¹⁷ Практически дословный перевод тюркского термина *айбалта* (см. ниже). Имеется в виду ударно-рубящее оружие с С-образным (месяцевидным) лезвием.

¹⁸ *Гань* — досл. «стержень». В данном контексте — топорище, рукоять, древко топора. Термин *гань* применялся в Цинском Китае и для обозначения древка стрелы.

¹⁹ *Бэй* — букв. «спинка».

Длина клинка описываемой «полусекиры» (от проуха до лезвия) составляла, по данным цинских авторов, 19–22 см, что несколько превышает стандартные размеры асимметричных клинков на аналогичном ударно-рубящем оружии XIX в.²⁰

Боек насаживался на железное топорище, которое венчало копьевидное навершие. Цельнометаллические рукояти боевых топоров известны как по материалам Цинской империи, так и мусульманского Востока. Однако в последнем случае гораздо чаще рукоять имела деревянную основу, которая усиливалась железными элементами (накладками, кольцами, «пожилинами», «браслетами», «стаканами»), обтягивалась металлическим листом или фольгой [Бобров 2015: 108 (рис. 1, 10); 110–112]. Оформленную подобным образом рукоять можно было принять за железную, серебряную или золотую [Ахметжан 2007: 123 (рис. 102, 7, 8), 124, 125 (рис. 105); Бобров 2015: 109, (рис. 2, 2, 9–13)].

Упомянутое в тексте копьевидное навершие (превращающее топор в комбинированное оружие наподобие алебарды на укороченном древке) также встречается среди подлинных образцов мусульманского вооружения позднего Средневековья и раннего Нового времени. Однако, судя по вещественным и изобразительным источникам, подобные цельнометаллические копьевидные рукояти сильно уступали по популярности традиционным видам топорищ.

В тексте отмечается, что на «спинке» оружия располагались более 20 «зубьев», похожих на зубья пилы. Остается неясным, что понимается под «спинкой» боевого топора: обух бойка или пластина на топорище (*отрез*)²¹. В первом случае упомянутые зубья (шпы?) могли располагаться на уплощенной или, напротив, молотовидной платформе обуха. Удар обухом «полусекиры» в этом случае мог уподобляться дробящему удару шипастой булавы. Если же зубья располагались по краю заточенного *отреза* на топорище, то наносимый им удар приводил к появлению рваной, сильно кровоточащей раны. Подобные «пилообразные» *отрезы* сохранились на некоторых разновидностях казахских боевых топоров Нового времени [Ахметжан 2007: 123 (рис. 102, 1); Бобров 2015: 108 (рис. 1, 7, 13), 109 (рис. 2, 4, 7), 112].

Большое впечатление на авторов «Сиюй тучжи» произвел разносторонний функционал описываемого комбинированного оружия: «Во всех отношениях превосходная вещь, которая может быть использована разными способами» [ЦХСТ 1782: цз. 42]. Действительно, наличие асимметричного клинка, копьевидного навершия и, возможно, шипастого обуха позволяло наносить противнику как рубяще-режущие, так и колющие и дробящие удары. Однако эффективно применять весь предложенный спектр боевых элементов мог, вероятно, лишь сильный, хорошо подготовленный и опытный воин.

В целом можно констатировать, что в «Сиюй тучжи» описан яркий, но относительно редкий тип «полусекиры» с асимметричным клинком, железной

²⁰ Не исключено, что указанный пассаж в «Сиюй тучжи» следует понимать, как расстояние от кончика острия наконечника до центральной части лезвия клинка секиры, что снимает указанное противоречие.

²¹ *Отрез* — заточенная железная пластина удлиненно-прямоугольной или удлиненно-трапецевидной формы, приклепывавшаяся встык к верхней части древка копья или боевого топора. *Отрез* не позволял противнику перехватить древко или топорище рукой, чтобы отвести удар. Кроме того, *отрез* защищал несущую часть оружия от ударов противника. В некоторых случаях, заточенный *отрез* мог использоваться в качестве оружия для нанесения рубящих ударов [Бобров 2015: 112].

рукоятью с копьевидным навершием, с шипами на обухе или пиловидными зубьями на *отрезе*²². Боевые топоры применялись джунгарскими воинами, но имели среди них весьма ограниченное распространение. В то же время они пользовались исключительной популярностью среди казахских и киргизских кочевников [Бобров 2015: 107, 112, 113]. Это, а также характерное описание конструкции и системы оформления оружия, позволяет предположить, что оно использовалось преимущественно тюркскими воинами из числа вассалов и соседей Джунгарии.

«*Ханьчжэ* (罕札爾). Это меч (кит. цзянь 劍). Имеются два хребта (кит. цзи 脊)²³, рыбьей костью (кит. юйгу 魚骨) украшают рукоять. Высочайше составленные стихи в [год под циклическими знаками] гэнчэнь (庚辰, 1760) о мусульманском мече (кит. хуйцзянь 回劍)...²⁴» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

В «Сиюй тучжи» весьма точно воспроизведено арабское название кинжала — *ханджар*. В качестве характерной особенности данного оружия обычно называют широкий, изогнутый или прямой клинок, заточенный с обеих сторон. Переднеазиатские *ханджары* и их местные дериваты часто снабжались массивной рукоятью, изготовленной из бычьей, слоновьей или оленьей кости. Большой популярностью пользовались также рукояти, выполненные из моржового клыка [Анисимова 2013: 151, 169].

Поскольку главным основанием для атрибуции клинкового оружия в Цинском Китае было количество лезвий: одно — у *дао*, два — у *цзянь*, то *ханджар*, будучи двулезвийным оружием, формально попадал в категорию мечей. Что касается «украшений из рыбьей кости», то, как мы отмечали выше, под ними, скорее всего, понимается моржовый клык, который, действительно, часто использовался для изготовления рукоятей *ханджаров*.

Подобное оружие (как импортное, так и сделанное в Цинском Китае по присланным образцам) широко представлено в музейных собраниях КНР, в том числе в Музее императорского дворца Гугун в Пекине. Однако большинство рукоятей подобных кинжалов выполнены не из кости, а из нефрита [Armaments and Military 2008: 175, 190].

«*Саотэ* (纛特). Доспехи (кит. цзя 甲). Изготавливаются как кольчуга (кит. соэцзыця 鎖子甲). Которые из хлопка, называются *элэпакэ/аолэпакэ* (鄂勒帕克). Которые имеют пластины²⁵, именуется *кюакэ* (庫雅克). Те, которые имеют пластины, прикрывающие сердце (кит. хусиньцзин 護心鏡), именуется *чалаина* (察喇伊納) и изготавливаются из белого железа (кит. байте 白鐵)²⁶. *Балэдамуци* (巴勒達木齊) — это железный пояс (кит. тедай 鐵帶) на панцире» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

²² На большинстве изображений и подлинных предметов, снабженных железной рукоятью и копьевидным навершием, клинок имеет характерную С-образную (секировидную), а не асимметричную форму, а обух снабжен фигурным ударником, дополнительным клинком, клевцом или декоративным украшением [Khorasani 2006: 662; Анисимова 2013: 156]. В свою очередь «полусекиры» почти никогда не имеют копьевидного навершия. На цинских картинах, гравюрах и свитках джунгарские, уйгурские, казахские и киргизские воины вооружены в основном обычными секирами с уплощенным обухом, короткими или длинными деревянными рукоятями.

²³ Имеется в виду две грани клинка, имеющего удлиненно-ромбическое сечение.

²⁴ Далее следует стихотворение императора Цяньлуна, посвященное «мусульманскому мечу» — *хуйцзянь* (не переведено).

²⁵ *Цзин* (鏡) — досл. «зеркала».

²⁶ Возможно, подразумевается луженое железо.

В данном разделе «Сиюй тучжи» перечислены основные разновидности корпусного защитного вооружения воинов Центральной и Средней Азии: *саотэ* (тюрк. *сауыт*), *элэпакэ* (монг. *олбог, olboу*), *куякэ* (монг. *хуяг, quуау*, калм. *хуйг*, тюрк., рус. *куяк*), *чалаина* (перс. *чар-айна*), *балэдамуци* (тюрк. *белдемчи, beldemci*) [Дыбо 2015: 224, 243; КзРС: 99, 402; КлРС 1977: 531, 607; БАМРС, 2 2001: 467; БАМРС, 4 2002: 180; Эгертон 2007: 181, 197, 198, 213, 242, 243, 260, 262, 265; СРЯ 1981: 154; Лосева-Бахтиярова 2018: 70].

Саотэ (сауыт) уверенно соотносится цинскими авторами с кольчугой (*соцзыцзя*). Судя по материалам письменных источников и эпосу тюркских народов, термин *сауыт* мог использоваться в двух основных значениях. Так, например, он мог применяться для обозначения корпусного панциря вообще (без учета структуры его бронирования). Однако в узком смысле под *сауыт* обычно подразумевалась именно кольчуга, иногда с уточнением: *кйреуке сауыт* ('кольчатый / сетчатый доспех'), *бадана сауыт* ('доспех из крупных плоских колец / байдана') и т. д. [Ахметжан 2007: 130–132]. Таким образом, предложенная составителями «Сиюй тучжи» интерпретация данного термина представляется вполне достоверной.

То же можно сказать и про *элэпакэ (олбог, olboу)*, который традиционно атрибутируется исследователями как разновидность «мягкого» стеганого доспеха [Пюрбеев 2009: 284].

Интересно, что и кольчуга, и стеганый доспех упомянуты в тексте «Сиюй тучжи» дважды: сначала в *цзюане* 41, посвященном джунгарам, а затем в *цзюане* 42, где говорится о вооружении «мусульман», причем если при описании кольчатого панциря в первом случае использован монгольский (*хуякэ / хуяг*), а во втором — тюркский термин (*саотэ / сауыт*), то в случае с защитным вооружением из органики дважды повторено название *олбог*, однако в разных транскрипциях.

В подразделе *цзюаня* 41 о вооружении джунгар *олбог* передан как *элэбокэ* или *аолэбокэ* (鄂勒博克). А в *цзюане* 42 — как *элэпакэ* или *аолэпакэ* (鄂勒帕克).

Первый иероглиф обычно использовался для передачи при транскрипции инициали «о» в иноязычных словах. Однако иероглифы *бо* 博 и *па* 帕 графически существенно различаются и звучат по-разному. Наиболее вероятно, что указанные различия в написании появились в результате включения в текст данных первичных полевых исследований. Возможно, в данном случае в «Сиюй тучжи» были помещены сведения от информантов, проживавших в разных регионах бывшего Джунгарского государства.

Косвенным подтверждением данного предположения служат упомянутые виды набивки «мягких» стеганых доспехов. В первом случае для этой цели используется шелковая вата (綿), во втором случае — хлопок, вата из хлопковых оческов (棉). Однако необходимо учитывать, что джунгары, не имевшие собственного развитого шелководства, вряд ли могли масштабно использовать набивку из оческов шелковой ваты, которая традиционно применялась при изготовлении «мягких» цинских доспехов²⁷. Возможно, что различия в набивке

²⁷ Так, цинский сановник и императорский посланник к волжским калмыкам в 1712–1715 гг. Тулишэнь (1667–1741), упоминая о своих служебных обязанностях в Китае, отмечал, что, помимо прочего, он «...[проверял] изготовление *олбо* на шелковой вате» [РКО 1978: 439]. В переводе И. К. Россохина маньчжурская фраза «... *иоохань* и *олбо бэ вэйлэбумэ...*» переведена как «...для делания на шелковых охлопках полупанцирей...» [РКО 1978: 438, 439]. Другой вариант перевода: «...занимался [производством] *олбо* на шелковой вате».

обусловлены ошибкой составителя или переписчика. Не стоит исключать и фактологической ошибки, когда имперский чиновник автоматически перенес на джунгарский *олбог* сведения о набивке хорошо знакомых ему цинских стеганых панцирей. Во втором описании (в *цзюане* 42) подобная ошибка не была повторена. Дальнейшее изучение центральноазиатских панцирей из органических материалов позволит уточнить этот вопрос.

При описании конструкции доспеха *куякэ* (*хуяг*) используется слово *цзин* ('зеркало'), которое часто переводится как «зеркало». Однако в данном случае речь идет, скорее всего, не о зеркальном доспехе (он описан в «Сиюй тучжи» ниже), а о пластинчато-нашивном²⁸ или кольчато-пластинчатом панцире. Обе указанные разновидности защитного вооружения были весьма популярны в XVII – первой половине XVIII вв. как среди ойратского, так и мусульманского населения Центральной и Средней Азии [Бобров, Худяков 2008: 378–385, 390–392; Бобров, Ожередов 2013: 42–63].

В пользу данной версии свидетельствует корейское описание китайского кольчато-пластинчатого панциря XIV–XV вв. *цзинфаньцзя*²⁹: «Доспех (кит. *цзя*, кор. *кап* 甲) ... сделанный из стальных пластинок (кит. *течжа* 鐵札, кор. *чхольчхаль*) и стальных колец (кит. *техуан* 鐵環, кор. *чхольхван*), перемежающихся и скрепленных между собой, называется *цзинфаньцзя* 鏡幡甲» [Седжон силлок, квон 133, л. 51b].

Указанный образец защитного вооружения представляет собой распашной «халат», в кольчатую основу которого вплетены стальные пластины. Отметим, что в самом названии доспеха содержится слово «зеркало» — *цзин* (鏡), явно соотносящееся с пластинами-*течжа*. Последние, вероятно, сравнивались китайцами с зеркалами из полированного металла³⁰. Это позволяет отметить факт тождественности терминов *цзин* ('зеркало') и *течжа* ('панцирная пластина') в данном случае.

В свою очередь пластины доспеха *цзинфаньцзя* близки по размерам пластинам центральноазиатских *куяков* и «калантарей». Это подтверждает возможность использования термина *цзин* ('зеркало') по отношению к прямоугольным панцирным пластинам небольших размеров, а следовательно, и отождествить упомянутые в «Сиюй тучжи» доспехи «*куякэ* ... которые имеют пластины / зеркала (*цзин*)» с пластинчато-нашивными или кольчато-пластинчатыми панцирями.

²⁸ Пластинчато-нашивной (пластинчато-клепаный) панцирь с внутренним бронированием был известен в Европе как *brigandine* (нем. *Brigantine*), а в тюркских и русских языках в XVII–XVIII вв. — как *куяк* [Бобров, Ожередов 2021: 26, 27].

²⁹ *Цзинфаньцзя* (кит. 鏡幡甲, кор. *кёнбонгап* 경번갑) — досл. «доспех из полотнищ с зеркалами (*цзин*)».

³⁰ Корейское чтение иероглифа «зеркало» (鏡) — *кён*, китайское чтение — *цзин*. Записанные на классическом китайском языке (кит. *вэньянь* 文言; 漢文, кор. *ханмун*, яп. *камбун*, вьет. *ханван*) тексты были интернациональны и легко читались в любой стране, где пользовались иероглификой. О китайском происхождении доспеха *кёнбонгап* говорит другая запись из корейской хроники «Тхэджон силлок» за 1414 г.: «Освободили от должности *Кунги пуджона* (заместителя начальника департамента по производству вооружений) Чхве Хэсана, *пхангвана* (судью) Ён Хве, *чикджана* Сун Гундаля и писца Юн Гына, потому что сначала приказали [Чхе] Хэсану надзирать за производством китайского (sic!) доспеха *кёнбонгап*, чтобы затем разослать образцы по всем провинциям, однако [Чхве] Хэсан лично не проследил [за этим]». См. [Тхэджон силлок, квон 28, л. 37b]. Тем не менее в известных нам на данный момент средневековых китайских текстах термин *цзинфаньцзя* не встречается.

Относительно доспеха *чалаина* в «Сиюй тучжи» сообщается: «Те, которые имеют пластины, прикрывающие сердце (*хусиньцзин*), именуются *чалаина* и изготавливаются из белого железа» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Классический переднеазиатский зеркальный доспех *чар-айна* обычно состоит из четырех больших пластин прямоугольной, подпрямоугольной или подтрапециевидной формы. С территории Центральной Азии происходит *чар-айна*, изготовленная из тонкого светлого железа, которое посторонний зритель мог принять за луженый металл. В отличие от переднеазиатского прототипа элементы, составляющие доспех, не цельнокované, а клепаные и снабжены накладными ребрами жесткости. По своему внешнему виду они напоминают сильно увеличенные в размерах пластины *куяка* или кольчато-пластинчатого *калантаря* центральноазиатского типа [Ахметжан 2007: 144 (рис. 124, I, 4)].

Еще одной разновидностью центральноазиатской *чар-айны* был доспех из четырех пластин округлой формы, соединенных кожаными ремешками [Бобров, Худяков 2008: 479, 480, 499 (рис. 209, I, 3–6)]³¹.

Приведенные сведения позволяют сделать вывод, что под термином «чалаина» цинскими авторами, вероятно, подразумевается четырехчастный доспех из прямоугольных или округлых пластин-зерцал.

Словом *балэдамуци* (тюрк. *белдемчи*, *beldemči* [Лосева-Бахтиярова 2018: 70]) в тексте «Сиюй тучжи» назван некий «железный пояс», который носился поверх основного панциря [Бакаева 2017: 59; Лосева-Бахтиярова 2018: 70].

Белдемчи образовано от общетюркского *bel* — «талиа, поясница» [Бакаева 2017: 59; Лосева-Бахтиярова 2018: 70]³². В costume тюркских народов так обычно обозначается «поясная одежда» замужних киргизок, казашек и каракалпачек [Лосева-Бахтиярова 2018: 70]. Однако тем же термином мог именоваться и «пояс с панцирной защитой», который прикрывал «талию и часть бедер» воина. Подобная трактовка зафиксирована, например, в киргизском эпосе [Лосева-Бахтиярова 2018: 70]³³.

Контекст сообщения в «Сиюй тучжи» также свидетельствует в пользу того, что речь идет не об обычном наборном поясе, а об особом элементе защитного вооружения. Сопоставление цинского описания и данных киргизского эпоса с материалами вещественных и изобразительных источников позволяет предположить, что под «балэдамуци» (*белдемчи*) подразумевается панцирный пояс-корсет, набравшийся из железных пластин прямоугольной и подпрямоугольной формы. Последние наклепывались на три кожаных ремешка, незначительно перекрывая друг друга. В собранном виде пояс представлял собой достаточно широкий пластинчатый корсет, прикрывающий живот и поясницу воина. Подлинные образцы таких панцирных поясов, а также их фрагментов, происходят с территории Тибета, Восточного Туркестана, Казахстана, Западной Монголии и Южной Сибири [Бобров, Ожередов 2021: 172]³⁴.

³¹ Характерно в данной связи, что цинское зеркало *хусиньцзин*, с которым авторы «Сиюй тучжи» сравнивают *чалаина*, также выполнялось в виде слабовыпуклого круглого диска.

³² Ср. с названием матерчатого кушака — *белбеу* [Захарова, Ходжаева 1964: 59].

³³ В киргизском языке для обозначения боевого пояса применялся также термин *белдик* [Бейбутова 1986: 19].

³⁴ Согласно данным К. С. Ахметжана, у казахов подобный пластинчатый пояс-корсет именовался *жауынгерлик белдик* [Ахметжан 2005: 86].

В пользу атрибуции *балэдамуци (белдемчи)* как пластинчатого пояса-корсета, помимо прочего, косвенно свидетельствует как способ ношения (поверх основного корпусного панциря), так и его упоминание сразу после описания доспеха *чар-айна* из округлых или прямоугольных пластин. Судя по этнографическим материалам, «панцирные кушаки» обычно надевались поверх кольчуги и часто носились в комплекте именно с доспехом *чар-айна* из округлых пластин [LaRocca 2006: 7, 13, 132–136; Бобров, Худяков 2008: 342, 481–484; Бобров, Ожередов 2021: 172–177].

«*Дуюйлэга (都裕勒噶青也)* — шлем. Внутри имеет шапку (кит. мао 帽, [которая], покрывая [голову] спереди, достигает лба, раскидываясь сзади, достигает шеи, свисая слева и справа достигает обеих ушей. Называют *ту-бо-бэй-эр-ку (圖卜貝爾庫)*» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Словом *дуюйлэга* составители «Сиюй тучжи» передали монгольское слово «шлем» (монг. *дуулга*, калм. *дуулх*; тюрк. *дулыга, туулга, тувулга*) [БАМРС, 1 2001: 79; КЛРС 1977: 217], однако записано оно иначе, чем в разделе о вооружении ойратов. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с опиской и вместо *юй* 裕 резчику текста следовало поставить графически похожий иероглиф со звучанием *гу* (например, 哈). В противном случае слово могло быть заимствовано из диалекта одного из монгольских языков, где интервокальная *γ* уже выпала — *дуулга*³⁵.

Если при описании ойратских шлемов цинские авторы зафиксировали некоторые особенности их конструкции, то в случае с «мусульманским» наголовьем отмечен лишь сам факт его существования. Зато подробно рассмотрена шапка-подшлемник, названная в источнике «*ту-бо-бэй-эр-ку (圖卜貝爾庫)*». Возможно, что подобным образом передано словосочетание *төбе бөрік* (букв. ‘верхняя шапка’)³⁶. Однако популярные среди казахов, узбеков, киргизов и уйгуров головные уборы типа *бөрік* обычно не имеют наушников и назатыльника, которые упомянуты в цинском источнике [Захарова, Ходжаева 1964: 67, 68, 70–72].

Не исключено, что в данном случае речь идет о полифункциональном головном уборе, который мог играть роль подшлемника в то время, как его наушники и назатыльник прикрывали уши и шею воина наподобие мягкой стеганой бармицы³⁷. В подобном качестве мог выступать, например, стеганый башлыкообразный головной убор на подкладке наподобие казахского *далбай, жалбагай* или *кулэпара*, снабженный широкими наушниками и назатыльником [Захарова, Ходжаева 1964: 66, 71, 72]. Это, помимо прочего, объясняет название подшлемника — «верхняя шапка» (*төбе бөрік*), так как в мирной обстановке башлыки могли носиться поверх основного головного убора. Летом они за-

³⁵ Также не исключено, что цинские авторы попытались воспроизвести звучание указанного термина со слов тюркского информанта, так как к середине XVIII в. монгольское слово *дуулга* уже давно вошло в языки многих тюркских народов Центральной Азии.

³⁶ Авторы настоящей статьи выражают благодарность д-ру ист. наук А. К. Кушкумбаеву за содействие в реконструкции указанного термина.

³⁷ Как свидетельствуют изобразительные материалы, подобные шапки-подшлемники могли носиться и в качестве головного убора, в том числе во время похода, нахождения в военном лагере, в период между боевыми столкновениями и т. д.

щищали владельца от пыли, солнца и дождя, а зимой — от снега и ветра. При этом зимние башлыки могли иметь шерстяную подкладку [Захарова, Ходжаева 1964: 72].

Также стоит учесть, что в монгольско-русско-французском словаре О. М. Ковалевского, изданном в 1849 г., слово *tobi* переводится с монгольского языка как «валяный колпак, носимый под шлемом» [Мазарчук 2017: 96]. В свою очередь Ф. Лессинг предлагает разные переводы для *tobi* и *tobi malayai* — «валяный колпак, носимый под шлемом» и «головной убор с четырьмя поднятыми вверх отворотами» соответственно [Мазарчук 2017: 96]. В данной связи не исключено, что *төбө бөрiк* может представлять собой тюркский вариант монгольского *tobi malayai* в значении «шапка-подшлемник».

Вещественные, письменные и изобразительные источники указывают на то, что в эпоху позднего Средневековья и Нового времени восточные народы весьма активно экспериментировали с различными вариантами головных уборов, способных, при необходимости, защитить голову владельца от ударов оружия противника. Спектр их был весьма широк: от шапок *малакай* с высокой стеганой тульей до специализированных «мягких шлемов» наподобие «шапок бумажных» и их среднеазиатских и индийских аналогов. Несмотря на различия в материале изготовления и покрое, практически все разновидности упомянутых головных уборов были снабжены широкими и длинными наушниками и назатыльниками [Бобров, Худяков 2008: 472, 473; Бобров 2012: 213–220].

«Шалабаэр (沙拉布爾) — это название кожаных штанов. Когда готовятся к бою, снаружи надевают панцирь, внутрь — кожаные штаны (кит. пику 皮褲). Полы одежды заправляются в них. [Это] дает возможность легко, ловко и с силой поворачиваться телом³⁸» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Словом *шалабаэр* обозначены верхние штаны тюркских nomadов Центральной и Средней Азии, известные как *шалбары*, *чалбары*, *чембары*, *шаровары*.

Шалбары представляли собой широкие и длинные штаны из выделанной кожи, бумажных или шерстяных тканей. Различались летние и зимние *шалбары*. Последние могли изготавливаться из овчин мехом внутрь (каз. *тепi шалбар*) или простегиваться на вате или шерсти. Обычно *шалбары* носились поверх нижних *штанов-дамбал*. В XVIII – начале XIX вв. значительной популярностью пользовались *шалбары* из замши и шкур. При этом замшевые *шалбары* знати могли украшаться растительным орнаментом, галунами, меховой оторочкой и др. В середине XVIII–XIX вв. *шалбары* были наиболее характерны для казахского костюма, однако применялись и представителями других народов региона [Захарова, Ходжаева 1964: 39–42].

Одной из особенностей ношения *шалбар* была традиция заправлять в них полы халата, что совершенно справедливо подмечено авторами «Сиюй тучжи». На цинских картинах второй половины XVIII в. (то есть выполненных в тот же период, что и текст «Сиюй тучжи») *шалбары* носят преимущественно тюркские воины. Наиболее подробно *шалбары* изображены на свитке, посвященном подвигу маньчжурского полководца Мачана. Их носит тюркский панцирник, пораженный стрелой цинского военачальника (рис. 1). Широкие светло-коричневые (кожаные?) штаны затянуты выше поясицы. Нижний край штанин

³⁸ Досл. «в ловкости имеется сила».

Рис. 1. Мусульманский воин в кольчуге и *шалбарах*. Фрагмент цинского свитка «Ма-чан прорывает [вражеский] строй». Худ. Лан Шинин (Дж. Кастильоне), между 1760 и 1766 гг. Музей Гугун, г. Тайбэй, о. Тайвань

[Fig. 1. Muslim warrior wearing chain mail and *shalbar*. Subpicture of the Qing scroll titled ‘Machan Battles through the (Enemy’s) Line’. Pic. By Lang Shining (G. Castiglione), 1760 to 1766. National Palace Museum, Taipei (Taiwan)]

проходит примерно по щиколотке. Интересно, что в *шалбары* на этом рисунке заправлены не только полы халата, но и, возможно, подол кольчуги³⁹. Судя по монументальной картине кисти придворного цинского живописца Лан Шинина (郎世寧, наст. имя Giuseppe Castiglione, 1688–1766) «Великая победа при Курмане», штанины *шалбар* могли не только носиться поверх обуви, но также заправляться в сапоги с широким голенищем.

Если факт ношения кочевниками *шалбар* неоднократно отмечался современниками, то объяснения причин использования данной разновидности штанов в боевых условиях встречаются в письменных источниках достаточно редко. Тем большее значение имеет соответствующий пассаж в «Сиюй тучжи»: «[За-правление пол халата в шалбары] дает возможность легко, ловко и с силой поворачиваться телом» [ЦХСТ 1782: цз. 42]. Будучи заправленными в *шалбары*, полы халата не путались в ногах, что позитивно сказывалось на подвижности воина, особенно в спешенном положении⁴⁰.

³⁹ Применение *шалбар* в одном комплекте с кольчатым панцирем на данной картине наглядно иллюстрирует тезис авторов «Сиюй тучжи» о том, что «когда готовятся к бою, снаружи надевают панцирь, внутрь — кожаные штаны».

⁴⁰ Другим способом достижения аналогичного результата было затыкание полы халата за пояс, что, судя по цинским изобразительным материалам, широко практиковалось ойратами, а также их мусульманскими вассалами и соседями.

Интересно, что *шалбары* — это единственный элемент одежды, который упоминается в «Сиюй тучжи» в разделе, посвященном вооружению «мусульман» Центральной и Средней Азии. Отношение цинских авторов к *шалбарам* как к элементу «военного костюма», вероятно, обусловлено их активным использованием в ходе боевых действий (в том числе и в комплекте с металлическим корпусным панцирем). Применение кочевниками *шалбар* в походной обстановке, во время охоты и боя подтверждается и другими письменными и изобразительными источниками XVIII–XIX вв.

«Я (雅). Лук (кит. гун 弓). Делают из кудрании триостренной (кит. чжэму 柘木) основу, из конской гривы делают тетиву. Сила [этих луков] очень большая» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Под приводимым цинскими авторами термином скрывается одно из традиционных тюркских названий лука — *яй*, *яя*, *йа* (*йай*), *жсай* (*жа*).

Согласно данным «Сиюй тучжи», *кибити* подобного лука изготавливалась из древесины кудрании триостренной (лат. *Cudrania tricuspidata*), произрастающей на территории современного Китая, Афганистана, Ирана и других стран. Растение представляет собой относительно невысокое (до 6 м) двудомное листопадное дерево семейства тутовых.

К сожалению, древесина *кибити* большинства известных среднеазиатских луков позднего Средневековья и Нового времени не становилась объектом специального научного исследования, что затрудняет оценку достоверности сведений, сообщаемых цинским источником. Однако, учитывая тот факт, что древесина кудрании отличается высокой прочностью, легкостью и красивой текстурой, возможность ее использования для изготовления *кибити* лука представляется весьма вероятной⁴¹.

Дальнейшее изучение луков Центральной и Средней Азии также позволит уточнить сведения «Сиюй тучжи» относительно широты распространения в регионе тетив, сплетенных из конской гривы.

Лучная стрельба относилась к важнейшим элементам боевой подготовки цинских воинов первой половины – середины XVIII в. Последние использовали весьма мощные сложносоставные луки, позволявшие посылать стрелы на расстояние в несколько сотен метров [Бобров 2021: 80]. В данной связи особого внимания заслуживает оценка лука *яй* авторами «Сиюй тучжи», которые подчеркивают, что его «сила очень большая» [ЦХСТ 1782: цз. 42]. Данный факт свидетельствует в пользу того, что стрелками региона применялись достаточно тугие и мощные луки, сопоставимые по своим характеристикам с цинскими аналогами.

Также отметим, что при описании вооружения населения Джунгарии и сопредельных территорий авторы «Сиюй тучжи» упоминают луки местных воинов дважды, сначала под монгольским названием *нум*, а затем — тюркским *яй*. Не исключено, что подобный подход вызван не только стремлением указать различные наименования идентичных луков среди народов региона, но и некоторыми особенностями их конструкции и системы оформления. Анализ подлинных образцов луков монголо- и тюркоязычного населения Центральной и Средней

⁴¹ Отметим, что в самом Цинском Китае древесина деревьев из семейства тутовых также применялась для изготовления некоторых элементов *кибити* луков [Бобров 2021: 77].

Азии свидетельствует, что традиционные монгольские луки *нум*, действительно, несколько отличались по своим размерам, конструкции и оформлению от луков *каман* или *яй*, изготовленных мастерами мусульманского Востока [Khorasani 2006: 727–735; The Arts... 2008: 385; Бобров, Худяков 2008: 81–92; Анисимова 2013: 187, 189–191; Alexander 2015: 298–300].

«*Окэ / аокэ / экэ* (鄂克). Стрелы (кит. *цзянь* 箭). Из дерева делают древко (кит. *гань* 桿). Из лучшей стали (кит. *биньте* 鑛鐵) делают наконечники. Наконечники имеют 3 грани (кит. *саньмяньжэнь* 三面刃), есть и обоюдоострые наконечники (кит. *лянмяньжэнь* 兩面刃). Те древки, которые имеют оперение (кит. *гань ю юй чжэ* 桿有羽者), используются для стрельбы на дальнюю дистанцию, а те, которые имеют ворс (кит. *мао* 毛) — на ближнюю [дистанцию]» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Транскрипцией *окэ* цинские авторы достаточно точно передали звучание тюркского слова, обозначающего стрелу — *ок*.

Под «лучшей сталью» (*биньте* 鑛鐵), вероятно, скрывается какая-то разновидность «узорчатой стали» — литой булат или сварной дамаск. В трактате «Гэ гу яо лунь» (格古要論) второй половины XIV в., составленном Цао Чжао, говорится, что «лучшая сталь (*биньте*) происходит от Западных Земель (*Сифань*). [Если железо] на поверхности имеет спиральные узоры [или] узор в виде зерен кунжута, [то] обычно [при] полировке орудий [типа] мечей / кинжалов и сабель / палашей / ножей (*даоцзянь*), [чтобы они стали] блестящими, используют желтый купорос. Если их узор становится видимым, то их цена намного превосходит серебро. В старые времена говорили, что, различая железо по качеству, выделяют [железо] с «золотым» [узором, а], которое с черным узором, является поддельным. Следует внимательно изучать и проверять. Среди клинкового оружия (*даоцзы*) непревзойденными являются три [вещи]: «Водяные» [клинки] *дао* командующих Великой Цзинь (1115–1234). Рукояти Западных Земель из [древесины] *силайму*. Татарские ножны из бересты. Некогда с непревзойденным искусством была изготовлена одна пара ножниц из *биньте*. Снаружи проступали позолоченные узоры. С оборотной стороны были инкрустированы серебром мусульманские письма. Заказываем железо, происходящее из северных областей Ганьсу, [которое] имеет иссиня-черный цвет. По свойствам [оно] наиболее прочное. На засушливом Севере его часто используют для изготовления острых сабель / палашей / ножей (*дао*). [Но] их цена намного меньше цены *биньте*»⁴².

Сам по себе термин *биньте* может быть с определенным допущением переведен как «привозная сталь», поскольку первоначально иероглиф *бинь* (賓) писался без ключа «металл» (金) и обозначал гостя, приезжего, клиента. Китайское толкование этого иероглифа по «Канси цзядянь» очень общее: «[Из] железа *бинь* (*биньте*) делают очень острые ножи / палаши / сабли (*дао*)»⁴³. В современных толковых словарях дается более общее указание на «высококачественную сталь». Иногда отмечается, что она либо получается в результате проковки пакета из скрученных полос стали с разным содержанием углерода (дамаск) либо является литой (булат). Однако единственным аутентичным описанием *биньте* мы можем считать только цитированный выше трактат Цао Чжао, поскольку этот автор жил в конце периода Юань (1279–1368) — в начале периода Мин (1368–1644). Именно в юаньский период в составе

⁴² См.: [Цао Чжао].

⁴³ См.: [Канси цзядянь].

Ведомства Работ (Гунбу 工部) существовал «Департамент по производству стали *биньте*» (Биньте цзюй 鑛鐵局). Это побуждает с доверием отнестись как к атрибуции *биньте*, сделанной Цао Чжао, так и информации о том, что сталь *биньте* происходила из «Западных земель», то есть, возможно, Ирана, Кашмира или Индии [ЧГЦДЦ 2002: 21].

Таким образом, слово *биньте* в «Сиюй тучжи» может обозначать литой булат, сварной дамаск или просто очень качественную сталь. При этом материалы вещественных источников пока не подтверждают факт широкого распространения булатных наконечников стрел в изучаемом регионе. Возможно, цинские авторы, сопоставляя наконечники стрел *ок* с булатной или дамаскской сталью, с одной стороны, демонстрировали читателю свой кругозор и образованность, а с другой — подчеркивали высокое качество этих изделий.

Не до конца понятно, что подразумевают составители «Сиюй тучжи» под наконечниками, которые имеют «три грани»: бронебойные наконечники с узким трехгранным пером или их трехлопастные аналоги. Обе разновидности представлены в стрелковом наборе населения мусульманского Востока, Центральной Азии и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени [Khorasani 2006: 745–747; Ахметжан 2007: 94; Даржа 2013: 67, 68].

Трехлопастные наконечники более характерны для периодов раннего и развитого Средневековья, тем не менее они продолжали эпизодически применяться в отдельных регионах Евразии вплоть до этнографического времени.

Под «обоюдоострым» наконечником, вероятно, понимаются стрелы с более широким уплощенным пером удлинненно-треугольной, удлинненно-ромбической и пятиугольной формы. Боковые кромки пера такого наконечника тщательно затачивали, превращая в острые лезвия. Такие стрелы предназначались, преимущественно, для поражения бездоспешного противника. Они широко представлены как среди иранских и индийских, так и среди среднеазиатских и казахских материалов [Khorasani 2006: 727, 737, 746, 747; Ахметжан 2007: 94, 97].

Деревянные древки стрел могли снабжаться двумя основными типами оперений. Из этнографии известно, что стрелы, предназначенные для стрельбы на максимальной дистанции, часто имели более короткое, жесткое и узкое оперение, а их аналоги для стрельбы на малой дистанции, напротив, более длинное и широкое [Даржа 2013: 58, 59, 61, 62, 63].

В тексте «Сиюй тучжи» для стрел последней категории упоминается оперение-*мао*. Дословно *мао* переводится как «волосы» или «ворс». Однако в некоторых случаях *мао* может использоваться в значении «перо»⁴⁴. Возможно, что в данном контексте под *мао* понималось широкое мягкое, «ворсистое» оперение из птичьих перьев соответствующей фактуры и размеров. Дальнейшее изучение стрел региона, возможно, позволит уточнить данный вопрос.

«*Сакэдакэ* (薩克達克). Это закрывающийся чехол для оружия (кит. гаоцзянь 囊鍵). Изготавливаются из шкур диких зверей, для [перекрытия] горловины используют веревочную петлю или же ремешок» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Транскрипция *сакэдакэ* передает тюркский по происхождению термин *сагайдак* / *саадак* / *сайдак* / *садак*. В широком смысле он мог использоваться для обозначения всего стрелкового комплекса в целом. В узком — употреблялся в значении «лук», «налуч», «колчан». В тексте «Сиюй тучжи» он упомянут в значении «налуч» или «колчан».

⁴⁴ Например, *яньмао* (鴈毛) — букв. «гусиный волос», то есть гусиное перо.

Известные образцы колчанов кочевников Центральной и Средней Азии выполнены, преимущественно, из кожи (однако далеко не всегда она может быть атрибуирована как «шкуры диких зверей» или «мех»-*шоупи*). В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени стрелы в такие колчаны-«футляры» вкладывались наконечником вниз, оперением вверх. Внутреннее пространство колчана было обычно поделено на отдельные секции специальными жгутами, веревками или кожаными ремешками [Бобров, Худяков 2008: 129–156]. С одной стороны, такие распределители препятствовали выпадению стрел из колчана во время интенсивной конной скачки, а с другой — помогали быстро найти стрелу с нужным типом наконечника (в каждой секции колчана могли помещаться стрелы с определенной формой пера). Не исключено, именно эти распределительные ремни и описаны в «Сиюй тучжи» как «веревочные петли» и «ремешки», которые используют для перекрытия «горловины» колчана.

«*Алияму* (阿里雅木). Малое знамя с бунчуком (кит. сяо дуци 小纛旗)⁴⁵. Длина более 5 чи (более 1,6 м), ширина более 3 чи (около 1 м). Из белой материи делают полотнище. Вверху горизонтальной строкой пишут мусульманские буквы (кит. хуйцзы 回字). У каждого бека (кит. бокэ 伯克) есть флаг, наверху полотнища (кит. фушан 幅上) которого написано его имя, чтобы каждого бека можно было опознать [по знамени]» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Термином *алияму* передано персидское слово *алам*, обозначающее знамя, а также копейный значок или выппел⁴⁶.

Согласно «Сиюй тучжи», *алам* имел вид прикрепленного к древку белого полотнища размером примерно 1,6 на 1 м. В верхней части флага располагались надписи, выполненные «горизонтальной строкой... мусульманскими буквами» [ЦХСТ 1782: цз. 42], то есть арабским письмом. Знамена белого цвета были достаточно популярны среди тюркских правителей Центральной и Средней Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени. С одной стороны, это отвечало мусульманским традициям⁴⁷, а с другой — хорошо коррелировало с белыми знаменами и бунчуками Чингис-хана и Чингисидов.

В XVIII–XIX вв. белые знамена упомянуты среди военной символики казахов, кокандцев, населения Восточного Туркестана и других народов мусульманского Востока.

Открытым остается вопрос, какой стороной (широкой или узкой) крепилось к древку полотнище описываемого в «Сиюй тучжи» *алама*⁴⁸. Для Османской импе-

⁴⁵ Приведен дословный вариант перевода. Однако не исключено, что данный речевой оборот следует понимать иносказательно. Так, например, в словаре «Любу чэньюй чжуцзе. Бинбу» («Толкование слов, применяемых в Шести Ведомствах. Военное Ведомство») отмечено, что «...большое знамя главнокомандующего (*юаньшиуай* 元帥) называется *дуци*» [Любу чэньюй... 1987: 113]. Соответственно словосочетание «сяо дуци» в тексте «Сиюй тучжи» может быть переведено как «Малое знамя командующего».

⁴⁶ Заимствование слов из арабского и персидского языка было распространенным явлением практически у всех мусульманских народов. Население Восточного Туркестана не представляло в этом отношении исключения.

⁴⁷ Одно из самых ранних мусульманских знамен — *Ливаъ* — имело белое полотнище, покрытое черной надписью. Подобный флаг вручался командиру армии.

⁴⁸ В тексте произведения полотнище *алама* обозначено термином *фу* (幅), что дословно означает «полоса ткани». Подобное обозначение указывает на удлиненно-прямоугольную форму флага, которая была в целом не характерна для Цинского Китая рассматриваемого периода. Большинство цинских знамен имели треугольную, квадрат-

рии и Ирана более характерным было горизонтальное размещение флага (также типичное и для европейских знамен). При таком способе крепления к древку прибавалась или привязывалась узкая сторона прямоугольного флага. Однако для монголоязычных номадов Центральной Азии типичным было, напротив, вертикальное размещение полотнища. По отношению к *аламу* из «Сиюй Тучжи» второй вариант представляется более предпочтительным. Во всяком случае, на цинской картине, изображающей битву при Курмане (3–8 февраля 1759 г.), узкие полотнища небольших знамен (в том числе белого цвета), которые несут за спиной конные воины, расположены вертикально. Если наше предположение верно, то под «длиной» флага в «Сиюй тучжи» следует понимать его высоту.

Значительный интерес представляет упоминание цинских авторов о том, что небольшое знамя имел каждый бек, причем в верхней части флага было «... написано его имя, чтобы каждого бека можно было опознать [по знамени]» [ЦХСТ 1782: цз. 42]. Судя по упоминанию титула «бек», речь в первую очередь идет о знаменах-*аламах* правителей мусульманского населения Восточного Туркестана, носивших такой титул.

«Тукэ (圖克). Большое знамя с бунчуком. Длина 7–8 чи (2,2–2,6 м), ширина примерно такая же, из разноцветных тканей делается полотнище. Наверху полотнища (?) пришито вырезанное из золотой фольги⁴⁹ имя основателя религии — Пророка⁵⁰. Под золотыми буквами сделаны из красного конского волоса ленты, которые свисают как бахрома...⁵¹» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Большое знамя с бунчуком *тукэ* (монг. *туг* [БАМРС, 3 2001: 248, 249])⁵² описывается в «Сиюй тучжи» как флаг с большим квадратным или прямоугольным полотнищем из разноцветной материи. Подлинные знамена среднеазиатских народов, действительно, нередко изготавливались из цветной, часто орнаментированной ткани. В большинстве случаев орнамент представлен повторяющимся узором в виде различных геометрических фигур, стилизованных цветов, листьев, букетов, растительных побегов и т. д. По периметру таких знамен могли размещаться бахрома, ленты, волосяные кисточки и т. д., а к верхней части древка (под наверхием) привязывался бунчук⁵³.

В тексте цинского источника отмечается, что «Наверху полотнища пришито вырезанное из золотой фольги имя основателя религии — Пророка». Однако не исключено, что речь может идти о золотом фигурном наверхии знамени, которое представляет собой пластину с вырезанным именем Мухаммеда. Если данное предположение верно, то тогда указанную фразу можно будет интерпретировать следующим образом: «Над полотнищем [на вершине древка] прикреплено вырезанное из золотой пластинки имя основателя религии — Пророка».

ную, подпрямоугольную или прямоугольную форму, причем в последнем случае размеры стороны полотнища различались незначительно [ХЛТ 2004: 421–532, 785–804].

⁴⁹ Другой вариант перевода: «Над полотнищем привязано вырезанное из золотой пластинки...».

⁵⁰ Досл. «Пай-га-му-ба-эр» (派噶木巴爾) — *Пайгамбар*, т. е. Пророк.

⁵¹ Далее следуют стихотворения императора Цяньлуна 1758 г. и 1760 г. посвященные «очень изящным мусульманским стягам» (*хуйду* 回纆) [ЦХСТ 1782: цз. 42].

⁵² Мусульманское население Восточного Туркестана активно заимствовало у своих ойратских сюзеренов многие слова, обозначающие политические и бытовые реалии, о чем свидетельствуют авторы «Сиюй тучжи».

⁵³ См., например, среднеазиатское знамя из собрания Государственного Эрмитажа.

До нашего времени сохранились подлинные образцы наверший мусульманских знамен XVII–XIX вв., которые можно использовать в качестве дополнительного обоснования данной версии. В значительном числе случаев они представляют собой фигурные (иногда позолоченные или целиком выполненные из золота) пластины, в центре которых помещалась прорезная надпись, выполненная арабским письмом [Alexander 2015: 249–253]. Судя по изображениям, под таким навершием могли подвешиваться волосяные кисти (бунчуки), ленты, перья и т. д.

Описание вооружения и военной символики «мусульман» Восточного Туркестана и сопредельных территорий в *цзюане* 42 «Синий тучжи» заканчивается цитатами из китайских исторических хроник эпохи Древности, раннего и развитого Средневековья, содержащих сведения о военном деле населения Западного края и его соседей. На основании сопоставления этих данных с реалиями середины XVIII в. цинские авторы попытались объяснить некоторые особенности развития вооружения народов региона.

«В разделе „Описание Западного Края“ хроники „Хань шу“⁵⁴ [говорится], что за [заставой] Янгуань первым является [владение] Жоцянь (Чарклык. — Л. Б., А. П.). ... В горах есть железо, сами делают оружие. Из оружия есть луки (кит. гун 弓), копьа (кит. мао 矛), короткие дао (кит. фудао 服刀), мечи (кит. цзянь 劍), панцири (кит. цзя 甲)... В Наньдоу (Северо-восточные районы Пакистана и примыкающие районы Кашмира. — Л. Б., А. П.) есть серебро, медь и золото, чтобы делать оружие. У всех владений [оружие] одинаковое».

⁵⁴ В текст ЦХСТ вставлена сильно урезанная и частично измененная цитата из цз. 96 «Описание Западного Края, ч. 1» династийной истории «Хань шу» (Книга [династии] Хань). Сочинение было написано историком Бань Гу (32–98 гг. н. э.) и его сестрой Бань Чжао (ок. 45–120 гг. н. э.), использовавших наработки их отца Бань Бяо (3–54 гг. н. э.). В основе сведений о Западном Крае лежат сообщения брата составителей династийной истории Бань Чао (32–102 гг. н. э.), который в течение ряда лет выполнял дипломатические и военные миссии в странах Центральной Азии: «Выходя за [заставу] Янгуань, первым владением будет Жоцянь. Правитель Жоцянь, прозывающийся Цюйху, прибыл с изъявлением покорности [ко двору Хань]. [Столица владения] отстоит от Янгуань на 1 800 *ли*, от Чанъань — на 6 300 *ли*, правитель пребывает на юго-западе [владения], не следует учению Конфуция. 450 дворов, 1 750 жителей, отборных воинов (кит. *шэнбин*) 500 человек, на западе соприкасается с владением Цемо (Черчен. — Л. Б., А. П.), следуют за скотом [в поисках] травы, не занимаются земледелием. Зависят от владения Шаньшань (Пичан. — Л. Б., А. П.) в долине [реки] Цемо. В горах есть железо, сами делают оружие. Есть луки (кит. *гун*), копьа (кит. *мао*), короткие [однолезвийные] тесаки (кит. *фудао*), мечи (кит. *цзянь*), панцири (кит. *цзя*). На северо-западе достигает [границ] Шаньшань, которое [им] владеет... Владение Наньдоу. Ставка правителя отстоит от Чанъань на 10 150 *ли*, 5 000 дворов, населения — 31 тысяча человек, отборных воинов — 8 тысяча человек, на северо-восток, до ставки духу (китайский чиновник, ведавший сношениями с владениями Центральной Азии. — Л. Б., А. П.) 2 850 *ли*, на юге — 340 *ли* до Улэй (владение на Памирском нагорье. — Л. Б., А. П.), на юго-западе — 330 *ли* до Цзибинь (владение на севере Кашмира. — Л. Б., А. П.), на юге от него — Жоцянь, на севере — Сюсюнь (владение на территории современной Киргизии. — Л. Б., А. П.), на западе — Великие Юэчжи (зд. Кушанская держава. — Л. Б., А. П.). Выращивают 5 злаков (обычно рис, просо, ячмень, пшеница, бобы. — Л. Б., А. П.), виноград и все фрукты. Имеется золото, серебро, медь и железо, делают оружие, одинаковое с оружием всех других владений. Подчиняется Цзибинь». См.: [Бань Гу].

В разделе „Описание Западного Края“ хроники „Хоу Хань шу“⁵⁵ [говорится, что] в Яньци (Карашар. — Л. Б., А. П.) умели изготавливать луки и стрелы (кит. гунши).

В разделе „Описание Западного Края“ хроники „Бэй ши“⁵⁶ [говорится, что] оружие воинов Гаочана состояло из луков и стрел (кит. гунцзянь 弓箭), палашей / сабель (кит. дао 刀), щитов (кит. дунь 楯), панцирей (кит. цзя 甲) и копий (кит. шо 槊). Воины Яньци⁵⁷ имели луки (кит. гун 弓), сабли / палаши (кит. дао 刀), панцири (кит. цзя 甲) и копыя (кит. шо 槊).

Согласно записям в „Тан шу“⁵⁸, туфани (тибетцы) умели штурмовать города при помощи летучих лестниц (кит. фэйти 飛梯)⁵⁹ и колесниц-гусей (кит. эчэ 驚車).

⁵⁵ В текст вставлена искаженная цитата из цз. 88 «Описание Западного Края» династийной истории «Хоу Хань шу» (Книга Поздней [династии] Хань), составленной в первой половине V в. историком Фань Е (398–446), работавшим при дворе Южно-китайской династии Лю Сун (420–479). Вопреки данным авторов «Сиюй тучжи», пассаж про луки относится не к царству Яньци (Карашар. — Л. Б., А. П.), а Пулэй (владение, предположительно располагавшееся в окрестностях оз. Баркуль. — Л. Б., А. П.): «Владение Пулэй располагается в долине Шуюй на запад от Небесных Гор (Тяньшань. — Л. Б., А. П.). На 1 290 ли на юго-восток [от него] располагается ставка чжаниши (с 123 г. н. э. китайский чиновник, ведавший сношения с владениями Центральной Азии вместо духу, ставка которого располагалась в районе современного г. Люкчун в СУАР КНР. — Л. Б., А. П.), отстоит от Лояна на 10 490 ли. Более 800 дворов, населения более 2 000 человек, отборного войска — более 700 человек. Живут в шатрах, следуют за водой и травой (т. е. занимаются кочевым скотоводством. — Л. Б., А. П.), до некоторой степени знакомы с земледелием, разводят домашний скот — коров, коней, верблюдов и баранов. Умеют делать луки и стрелы. Из [этого] владения происходят хорошие кони». См.: [Фань Е].

⁵⁶ В текст вставлена несколько искаженная (изменен порядок перечисления оружия) цитата из цз. 97 «Описание Западного Края» исторической хроники «Бэй ши» («История Северных династий»), описывающей события 386–618 гг.: «[Владение] Гаочан... оружие воинов состоит из луков (кит. гун 弓), палашей / сабель (кит. дао 刀), стрел (кит. цзянь 劍), щитов (кит. дунь 楯), панцирей (кит. цзя 甲) и длинных копий (кит. шо 槊) — в оригинальном тексте «Бэйши» использован другой иероглиф с одинаковым смыслом и звучанием — Л. Б., А. П.) ... Владение Яньци ... воины имеют луки (кит. гун 弓), палаши / сабли (кит. дао 刀), панцири (кит. цзя 甲) и длинные копыя (кит. шо 槊)». Следует учитывать, что данная хроника была составлена уже в период правления династии Тан (618–907), т. е. значительно позже описываемых событий. См.: [Бэй ши].

⁵⁷ Яньци — древнее владение в Западном Крае. В настоящее время — поселок Карашар, расположенный на территории Яньци-Хуэйского автономного уезда Баянгол-Монгольского автономного округа СУАР КНР.

⁵⁸ Имеется в виду одна из двух исторических хроник, посвященных правлению династии Тан (618–907) — «Цзю Тан шу» (Старая хроника династии Тан) или «Синь Таншу» («Новая история династии Тан»). «Цзю Таншу» была составлена в первой половине X в. Лю Сю (888–947), служившим при дворах династий Поздняя Тан (923–937) и Поздняя Цзинь (936–947). «Синь Таншу» была написана в 1060 г. известными китайскими учеными и литераторами Оуян Сю (1007–1072) и Сун Ци (998–1061). Поскольку в данном случае имеет место не цитата, а пересказ информации идентичного содержания из цзюяня «Описание Туфань (Тибет), ч. 2», сложно сказать, какая из хроник была использована составителями «Сиюй тучжи».

⁵⁹ Традиционное китайское название штурмовой лестницы.

В „Вэньсянь тункао“⁶⁰ говорится, что в Тяньчжу (Индия. — Л. Б., А. П.) также есть способы применения летучих лестниц и подземных ходов (кит. *дидао* 地道)⁶¹, деревянных быков и самодвижущихся коней (кит. *муню люма* 木牛流馬)⁶².

Современные мусульмане не имеют вооружения такого рода. Это потому, что Тибет и Индия расположены южнее мусульман. Поэтому изготовление их [оружия] отличается от того, что было в 36 владениях [Западного Края]. Да к тому же нынешние мусульмане покорились джунгарам и теперь могут [изготавливать] только обычные колющие и рубящие [виды оружия], и это представляет сложность при сопоставлении информации по данному вопросу. Разве это не потому, что *ци юга* слабое и податливое, а [ци] севера — сильное и жесткое?» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Выводы

Проведенный анализ *цзюаня* 42 «Сиюй тучжи» показал, что в нем систематизирована информация о вооружении и военной символике мусульман Восточного Туркестана и, возможно, некоторых сопредельных территорий, известная цинским чиновникам второй половины XVIII в. Можно предположить, что большая часть этих сведений была получена членами исследовательской экспедиции в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1756–1759 гг. Основными информантами, вероятно, выступили представители местного ойратского и тюркского населения, а также цинские военнослужащие, принимавшие участие в присоединении данных регионов к империи. Позднее указанные сведения могли быть дополнены и отредактированы членами императорской комиссии, в состав которой входили маньчжурские военачальники — участники боевых действий в Центральной Азии.

В *цзюане* 42 описаны три разновидности клинкового оружия (*кылыч*, *сэ-лэм*, *ханджар*), копьё (*найза*), секира (*айбалта*), лук (*яй*), стрелы (*ок*), колчан (*саадак*), кольчуга (*сауыт*), пластинчатый панцирь (*кюяк*), стеганный мягкий панцирь (*олбог*), зеркальный доспех (*чар-айна*), шлем (*дуулга*), пластинчатый пояс (*белдемчи*). Из элементов военного костюма особо отмечены подшлемники и верхние штаны — *шалбары*. Кроме того, достаточно подробно рассмотрены две разновидности боевых знамен: *алам* — малые знамена беков и «большое знамя» — *туг*. Описание каждого предмета сопровождается транскрипцией его оригинального названия. В некоторых случаях указываются материал изготовления и основные типовые размеры.

Следует отметить, что цинские авторы продемонстрировали неплохое знакомство с тюркскими и монгольскими языками, удачно транскрибируя при помощи иероглифов слова, обозначающие названия различных видов и типов оружия и доспехов. Это позволило уверенно идентифицировать большинство предметов, упомянутых в источнике.

⁶⁰ В тексте использована искаженная цитата из цз. 338 энциклопедии «Вэньсянь тункао» («Всеобъемлющее исследование исторических сочинений»), составленной в 1317 г. Ма Дуаньлинем (1245–1322): «Тяньчжу (Индия. — Л. Б., А. П.) <...> в их обычаях ходить босиком, ценят в одежде белый цвет, избегают сражений, имеют луки и стрелы (*гунцзянь*), панцири (*цзя*) и длинные копья (*шо*), также есть способы [применения] штурмовых лестниц (*фэййти*), подкопов (*дидао*), деревянных быков и самодвижущихся коней (*муню люма*)». См.: [Ма Дуаньлинь].

⁶¹ Имеются в виду подкопы при штурме крепостей.

⁶² Имеются в виду деревянные быки и кони, придуманные, по легенде, китайским полководцем Чжугэ Ляном (181–234) для перевозки провианта.

Сопоставление данных «Сиюй тучжи» с подлинными образцами вооружения тюркского населения Центральной Азии, а также их изображениями, показало, что цинские авторы весьма достоверно описали особенности конструкции и оформления оружия дистанционного и ближнего боя, а также доспехов населения изучаемого региона. Это, в свою очередь, заставляет с доверием отнестись и к информации о тех предметах и элементах вооружения, которые упомянуты в тексте, но пока не подтверждены вещественными источниками. К числу таких предметов можно отнести, например, ножны сабель *кылыч*, отделанные «рыбьей кожей» (кожей ската?), слоновой костью и черепашьям панцирем. Другим примером подобного рода может служить описание полусекиры, которая сочетает асимметричный клинок, увенчанную копьевидным навершием железную рукоять, а также шипастый или зубчатый ударник.

Большую научную ценность представляют сведения «Сиюй тучжи» об оригинальных названиях, размерах и оформлении знамен, древкового и клинкового оружия, стрелкового набора, подшлемника, так как в других письменных источниках XVII–XVIII вв. соответствующая информация дана кратко либо вовсе отсутствует.

Характеризуя *цзюань* 42 в целом, следует отметить достаточно высокую оценку, которую дали цинские авторы вооружению своих мусульманских противников. Так, например, подчеркивается «очень большая сила» луков и «лучшая сталь» наконечников стрел [ЦХСТ 1782: цз. 42]. Полусекира *айбалта* названа «во всех отношениях превосходной вещью, которая может быть использована разными способами» [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Положительно оценивается и традиция мусульманских народов заправлять полы халатов в широкие *шалбары*, так как это «... дает возможность легко, ловко и с силой поворачиваться телом» [ЦХСТ 1782: цз. 42] и т. д.

Подобная оценка хорошо коррелирует со сведениями других письменных источников, в которых указывается, что цинские офицеры охотно применяли в боевых действиях трофейное вооружение, захваченное в Джунгарии и Восточном Туркестане. Особой популярностью при этом пользовались кольчатые панцири [Бобров, Пастухов 2021: 515].

Известный интерес представляет тот факт, что составители «Сиюй тучжи», стремясь показать широту своих исторических познаний, попытались рассмотреть боевую практику мусульманского населения Восточного Туркестана в рамках общего контекста развития центрально- и южноазиатского военного искусства. Посвященный «мусульманским племенам» *цзюань* 42 завершается историческими вставками о вооружении и военной символике населения Восточного Туркестана, Тибета и Индии эпохи Древности и раннего Средневековья. Однако, если в случае с ойратами (в *цзюане* 41) отмечается преемственность традиций ранних кочевников в их военном искусстве, то при сравнении вооружения «мусульман» с военной практикой народов Центральной и Южной Азии, напротив, подчеркиваются различия в древних и современных (для цинских авторов) военно-культурных традициях. В частности, отмечается факт отсутствия у «мусульман» середины XVIII в. осадной техники. Разрыв традиции объяснялся, помимо прочего, покорением тюркского населения региона власти джунгар.

Подчеркивая высокую научную ценность «Сиюй тучжи» как источника по вооружению и военной символике населения Центральной Азии, в то же время необходимо отметить ряд важных нюансов, связанных со спецификой приводимых в источнике сведений.

В рассматриваемом произведении перечислены многие предметы защитного и наступательного вооружения мусульманского населения Центральной Азии. Однако указанный перечень нельзя считать исчерпывающим. Так, например, совершенно не упомянуты ударно-дробящее оружие (булавы, палицы и др.), стандартные боевые топоры и секиры, ножи, огнестрельное оружие, мисюрки и кольчужные «башлыки», наручи, кольчужные «штаны» и набедренники и др. Из материалов вещественных, изобразительных и письменных источников (в том числе цинских) известно, что перечисленные предметы вооружения применялись народами изучаемого региона, однако сведения о них в *цзюане* 42 отсутствуют⁶³.

Стоит также отметить, что внимание цинских авторов в первую очередь привлекали предметы вооружения непривычной для Дальнего Востока конструкции и системы оформления. К их числу можно отнести саблю *кылыч* с сильноизогнутым клинком, полусекиру *аипалэту* с железной рукоятью и копьевидным навершием, тяжелое тесаковидное клинковое оружие *сэлиема* с длинной рукоятью и др.

Даже в тех случаях, когда в перечень попадали более привычные и широко распространенные среди воинов центральноазиатского региона предметы вооружения (копья, луки, стрелы), авторы «Сиюй тучжи» старались подчеркивать их нестандартные для Восточной Азии элементы оформления: кожаная обмотка и медные кольца на древках копий, «железные» рукояти длинноклинкового оружия, оригинальное оформление знамен и т. д.

Кроме того, деление вооружения народов региона на «джунгарское» (*цзюань* 41) и «мусульманское» (*цзюань* 42) весьма условно и отражает реалии второй половины 50-х гг. XVIII в. До этого времени тюркское население Восточного Туркестана исправно поставляло военные контингенты в войска Джунгарского государства. Поэтому некоторые предметы вооружения, отнесенные цинскими авторами к «мусульманским», могли применяться этническими ойратами (например, пластинчатые доспехи, тесакообразные сабли и палаши *сэлиема* и др.). И наоборот, огнестрельное оружие, изготовленное мастерами джунгарского *отока буучин*, поступало в отряды, укомплектованные воинами из Восточного Туркестана.

Порой в тексте «Сиюй тучжи» встречаются и откровенные ошибки. Так, например, сообщается, что сабли *кэлинци* (*кылыч*) изготовлены из «чистой меди», что не соответствует действительности. Можно предположить, что подобные неточности обусловлены не недобросовестностью информантов, а ошибками писцов, готовивших текст для резчиков клише ксилографа, которые могли вставить схожий графически, но отличный по значению иероглиф в текст произведения.

Однако указанные проблемные моменты не влияют на общую высокую оценку «Сиюй тучжи» как главного и наиболее ценного цинского письменного источника по вооружению и знаменам мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий первой половины – середины XVIII в. Многие сведения, зафиксированные в «Сиюй тучжи», отсутствуют в других произведениях, что делает их уникальными и придает рассматриваемому сочинению особую научную ценность.

⁶³ Некоторые из этих предметов (например, пушки, крупнокалиберные и простые ружья) упомянуты на вооружении ойратов Джунгарии в *цз.* 41 «Сиюй тучжи» [Бобров, Пастухов 2021: 519].

В завершение отметим значение «Сиюй тучжи» для дешифровки оригинальных тюркских и монгольских терминов, применявшихся для обозначения различных видов оружия и доспехов. Вплоть до недавнего времени атрибуция оружейных терминов, которые фигурируют в фольклорных (в том числе эпических) произведениях и письменных источниках, основывалась на позднейших этнографических интерпретациях XIX – первой половины XX в. Однако в этот период многие предметы традиционного центральноазиатского вооружения либо вышли из широкого военного обихода, либо, в силу различных причин, сменили названия. В результате в исторические словари наряду с оригинальными оказались внесены новые или обновленные значения терминов. Благодаря тому, что в «Сиюй тучжи» названия различных видов и типов оружия и доспехов соотнесены с особенностями их конструкции, представляется возможным уточнить первоначальный смысл тех или иных оружейных терминов, применявшихся тюркскими народами региона первой половины – середины XVIII в. Это открывает широкие перспективы для более детального и всестороннего изучения письменного и фольклорного наследия населения Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Сокращения

- б/г — без указания года издания
 б/м — без указания места издания
 РКО — Русско-китайские отношения
 СУАР КНР — Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики
 ХЛТ — Хуанчао лица туши
 цз. — *цзюань*
 ЦХСТ — Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи
 ЧГЦДЦ — Чжунго гудай цию да цыдянь.

Источники

- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1–4. Т. 1. М.: Academia, 2001. 520 с. Т. 2. М.: Academia, 2001. 536 с. Т. 3. М.: Academia, 2001. 440 с. Т. 4. М.: Academia, 2001. 532 с.
 Бань Гу — *Бань Гу*. Хань шу (= Книга [династии] Хань). Цз. 96. б/г. б/м. [электронный ресурс] // URL: zh.wikisource.org/wiki/漢書/卷096上 (дата обращения: 12.06.2021). (На кит. яз.)
 Бэй ши — Бэй ши (= История Северных династий). Цз. 97. б/г. б/м. [электронный ресурс] // URL: zh.wikisource.org/wiki/北史/卷097 (дата обращения: 21.05.2021). (На кит. яз.)
 ДТС — Древнетюркский словарь, Ленинград: Наука, ЛО, 1969. 715 с.
 Дыбо 2015 — *Дыбо А. В.* Названия оружия: от праалтайского к монгольскому // Российско-монгольский лингвистический сборник. М.: Канцлер, 2015. С. 209–254.
 Канси цзидянь — Канси цзидянь (= Иероглифический словарь [периода] Канси). б/г. б/м. [электронный ресурс] // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/kangxi-zidian> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
 КЛРС 1977 — Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 764 с.
 Ма Дуаньлинь — *Ма Дуаньлинь*. Вэньсянь тункао (= Всеобъемлющее исследование исторических сочинений). б/г. б/м. [электронный ресурс] // Китайский текстовый проект (вики). Цз. 338. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=840191> (дата обращения 12.06.2021). (На кит. яз.)
 Седжон силлок — Седжон силлок (= Хроника правления государя Седжона). *Квон* 133 «О ре» (= Пять ритуалов). Кулле соре (= Вводные замечания). Пёнги (= Оружие).

- Капчу (= Доспехи и шлемы) [электронный ресурс] // URL: http://sillok.history.go.kr/id/wda_20008001_005 (дата обращения: 19.03.2021). (На кор. яз.)
- СРЯ 1981 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 (Крада – Лящина). М.: Наука, 1981. 351 с.
- ТРС — Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 966 с.
- Тхэджон силлок — Тхэджон силлок (= Хроника [правления] Тхэджона). 1431. б/м. [электронный ресурс] // URL: <http://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do?id=kca> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
- Фань Е — *Фань Е. Хоу Хань шу* (= Книга Поздней [династии] Хань). Т. 88. б/г. б/м. [электронный ресурс] // URL: zh.wikisource.org/wiki/後漢書/卷88#蒲類國 (дата обращения: 12.06.2021). (На кит. яз.)
- ХЛТ 2004 — 皇朝禮器圖式 Хуанчао лици туши (= Образцы ритуальной утвари царствующей династии). Янчжоу: Гуанлин шушэ, 2004. 812 с. (На кит. яз.)
- Цао Чжао — Цао Чжао / Гэ гу яо лунь (格古要論) (= О самом важном при изучении прошлого). б/м. б/г. [электронный ресурс] // Китайский текстовый проект (вики). URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=424221> (дата обращения: 01.03.2021). (На кит. яз.)
- ЦХСТ 1782 — Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи (= Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края с картами). 1782. б/м. [электронный ресурс] // Китайский текстовый проект (вики). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5025>; Электронный китайский текстовый проект. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=545503> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
- Эгертон 2007 — *Эрл Эгертон*. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до империи Великих Моголов. М.: Центрполиграф, 2007. 294 с.

Sources

- Ban Gu. Book of Han. On: Wikisource (online digital library). Available at: zh.wikisource.org/wiki/漢書/卷096上 (accessed: June 12, 2021). (In Chin.)
- Baskakov A. N. et al. (eds.) Turkish-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 966 p. (In Turk. and Russ.)
- Cao Zhao. The Essential Criteria of Antiquities. On: Chinese Text Project (Wiki). Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=424221> (accessed: March 1, 2021). (In Chin.)
- Dybo A. V. Names of weapons: from Proto-Altaiic to Mongolian ones. In: Russian-Mongolian Linguistic Collection. Moscow: Kantsler, 2015. Pp. 209–254. (In Russ.)
- Egerton E. Indian and Oriental Arms and Armour. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. 294 p. (In Russ.)
- Fan Ye. Book of the Later Han. On: Wikisource (online digital library). Available at: zh.wikisource.org/wiki/後漢書/卷88#蒲類國 (accessed June 12, 2021). (In Chin.)
- Filin F. P. (ed.) A Dictionary of the Russian Language, 11th–17th Centuries AD. Vol. 8: Крада – Лящина. Moscow: Nauka, 1981. 351 p. (In Russ.)
- History of the Northern Dynasties. On: Wikisource (online digital library). Available at: zh.wikisource.org/wiki/北史/卷097 (accessed: May 21, 2021). (In Chin.)
- Imperially Approved Illustrated Descriptions of Western Regions. 1782. On: Chinese Text Project (Wiki). Available at: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5025>; <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=545503> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)
- Kangxi Dictionary. On: Chinese Text Project (Wiki). Available at: <https://ctext.org/kangxi-zidian> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)
- Ma Duanlin. Comprehensive Study of (Historical) Writings. On: Chinese Text Project (Wiki). Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=840191> (accessed: June 12, 2021). (In Chin.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 764 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 715 p. (In Turk.)

- Pyurbеev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Moscow: Academia, 2001. Vol. 1, 520 p.; vol. 2, 536 p.; vol. 3, 440 p.; vol. 4, 532 p. (In Mong. And Russ.)
- Samples of Ritual Utensils of the Reigning Dynasty. Yangzhou: Guangling Shushe, 2004. 812 p. (In Chin.)
- Veritable Records of Sejong. Gwon 133: The Five Rituals. Introductory Notes. Weapons. Armor and Helmets. On: Veritable Records of Joseon Dynasty (online database). Available at: http://sillok.history.go.kr/id/kca_11411004_001 (accessed: March 19, 2021). (In Chin.)
- Veritable Records of Taejong. 1431. On: Veritable Records of Joseon Dynasty (online database). Available at: <http://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do?id=kca> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)

Литература

- Анисимова 2013 — *Анисимова М. А.* Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.
- Ахметжан 2005 — *Ахметжан К. С.* Боевые доспехи в традиционной системе вооружения казахов // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2005. С. 82–86.
- Ахметжан 2007 — *Ахметжан К. С.* Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматы китап, 2007. 216 с.
- Бакаева 2017 — *Бакаева Э. П.* О семантике кроя и декора женского платья типа цегдек у калмыков и ойратов (древние знаки в семиотической системе костюма) // *Oriental studies* (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН). 2017. Т. 10. № 4. С. 49–59.
- Бейбутова 1986 — *Бейбутова Р. А.* Вооружение киргизского эпического богатыря и его этнолингвистическое объяснение // *Всесоюзная школа молодых востоковедов*. М.: Наука, 1986. Т. 1. С. 17–19.
- Бекмаханов 1992 — *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20-40-е годы XIX в. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 400 с.
- Бобров 2012 — *Бобров Л. А.* Казахская воинская шапка «малакай» XVIII–XIX веков // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 7: Археология и этнография. С. 213–220.
- Бобров 2013 — *Бобров Л. А.* Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 3: Археология и этнография. С. 183–195.
- Бобров 2015 — *Бобров Л. А.* Казахские боевые узколезвийные топоры «шакан» XVIII–XIX вв. // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2015. Т. 43. № 4. С. 106–113.
- Бобров 2021 — *Бобров Л. А.* Доспех маньчжурского аристократа первой половины – середины XVII в. // *Parabellum novum*. 2021. № 14 (47). С. 60–82.
- Бобров, Исмаилов 2019 — *Бобров Л. А., Исмаилов Д.* Три сабли с деревянными рукоятками конца XVII – середины XIX вв. из Национального музея Республики Казахстан // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 3: Археология и этнография. С. 146–158.
- Бобров, Ожередов 2013 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Панцирь-«калантарь» из Центральной Азии (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения*. Вып. 3. Томск: Томск. гос. ун-т, 2013. С. 42–63.
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.

- Бобров, Пастухов 2021 — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // *Былые годы.* 2021. Т. 16. № 2. С. 506–526.
- Бобров, Пронин 2014 — *Бобров Л. А., Пронин А. О.* Казахские боевые топоры в изобразительных источниках XVIII–XIX веков // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология,* 2014. Т. 13. № 5: Археология и этнография. С. 255–262.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Валиханов 1961 — *Валиханов Ч. Ч.* Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // *Собрание сочинений:* в 5 тт. Алма-Ата: Наука, 1961. Т. 1. С. 463–467.
- Даржа 2013 — *Даржа В. К.* Традиционные мужские занятия тувицев. Т. 1. Хозяйство, охота, рыбалка. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2013. 592 с.
- Захарова, Ходжаева 1964 — *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда (XIX – начала XX века). Алма-Ата: Наука, 1964. 178 с.
- Лосева-Бахтиярова 2018 — *Лосева-Бахтиярова Т. В.* Названия защитных доспехов и снаряжения в тюркских языках // *Филология. Международный научный журнал.* 2018. № 4(16). С. 65–74.
- Любу чэньюй чжуцзе 1987 — Любу чэньюй чжуцзе (= Толкование слов, применяемых в Шести Ведомствах). Ханчжоу: Чжэцзян гуцзай чубаньшэ, 1987. 237 с. (На кит. яз.)
- Мазарчук 2017 — *Мазарчук А. В.* Общемонгольская лексика раздела «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском, калмыцком языках // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (= Oriental Studies).* 2017. № 6. С. 94–102. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-94-102
- Орленко, Новоселов, Курмановский 2019 — *Орленко С. П., Новоселов В. Р., Курмановский В. С.* К вопросу о булатном оружии русской работы XVII в. (по материалам бывшего архива Оружейной палаты) // *Историческое оружиеведение.* 2019. № 7. С. 1–61.
- Пюрбеев 2009 — *Пюрбеев Г. Ц.* Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха джирум» // *Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.).* Элиста: НПП «Джангар», 2009. Ч. 2. С. 283–285.
- РКО 1972 — *Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы.* В 2 т. Т. II. 1686–1691 / *Ин-т Дальн. Востока, Ин-т востоковедения, АН СССР;* сост. и обраб. текста Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова. М.: Наука, 1972. 836 с.
- РКО 1978 — *Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы /* *Ин-т Дальн. Востока, АН СССР;* ред. С. Л. Тихвинский; сост.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, Г. И. Саркисова. Т. I. 1700–1725. М.: Наука, 1978. 704 с.
- Русско-монгольские отношения 1996 — *Русско-монгольские отношения 1654–1685: сборник документов. Материалы по истории /* Г. И. Слесарчук (сост.), Н. Ф. Демидова (отв. ред.). М.: Вост. лит., 1996. 560 с.
- Смертельная красота 2015 — *Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки /* авт.-сост.: Е. М. Карлова, А. М. Пастухов, А. Ю. Попов, Е. Н. Успенская. М.: ГМВ, 2015. 368 с.
- ЧГЦДЦ 2002 — *Чжунго гудай цию да цыдянь. Бинци, синцзюй (= Большой словарь материальной культуры Китая прошедших эпох. Оружие, орудия наказания). Шицзячжуань: Хэбэй цзяоюй чубаньшэ,* 2002. 516 с. (на кит. яз.)
- Школяр 1980 — *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. М.: Наука, 1980. 406 с.
- Alexander 2015 — *Alexander D. G.* Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

- Armaments and Military 2008 — Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing: Commercial Press, 2008. 264 p.
- Khorasani 2006 — *Khorasani M. M.* Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tübingen: Legat-Verlag GmbH & Co. KG, 2006. 776 p.
- LaRocca 2006 — *LaRocca D. J.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p.
- The Arts ... 2008 — The Arts of the Muslim Knight. The Fursiyya Art Foundation Collection. By Bashir Mohamed. Milan: Skira, 2008. 416 p.
- Rivkin, Isaac 2017 — *Rivkin K., Isaac B.* A Study of the Eastern Sword. Mankato: Yamna Publishing, 2017. 360 p.

References

- Akhmetzhan K. S. Combat armor in the Kazakh traditional weapon system. In: Military Equipment of Eurasian Nomads. Barnaul: Altai State University, 2005. Pp. 82–86. (In Russ.)
- Akhmetzhan K. S. Ethnography of Kazakh Traditional Weaponry. Almaty: Almatykitap, 2007. 216 p. (In Russ.)
- Alexander D. G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p. (In Eng.)
- Anisimova M. A. Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps: Weapons of the East, 15th – Mid-20th Centuries. St. Petersburg: Atlant, 2013. 527 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The *tsegdeg* dress of Kalmyk and Oirat women: semantics of its fashion and decorative elements (ancient signs in the semiotic system of the garment). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. Vol. 10. No. 4. Pp. 49–59. (In Russ.)
- Bekmakanov E. Kazakhstan, 1920s–1940s. Alma-Ata: Kazakh State University, 1992. 400 p. (In Russ.)
- Beybutova R. A. Kyrgyz epic hero: his weaponry and ethnolinguistic interpretation of the latter. In: All-Union School of Young Orientalists. Moscow, 1986. Vol. 1. Pp. 17–19. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Armor of the Manchu aristocrat, the first half and the middle of the 17th century. *Parabellum novum*. 2021. No. 14 (47). Pp. 60–82. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Kazakh military cap ‘malakai’, XVIII–XIX centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2012. Vol. 11. No. 7: Archaeology and Ethnography. Pp. 213–220. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Shakan: Kazakh 18th–19th century narrow-bladed battle axes. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. Vol. 43. No. 4. Pp. 106–113. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Spear cut – structural element of long pole weapons of the nations of the Great Steppe and neighboring territories dated to the Late Middle Ages and Early Modern age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3: Archaeology and Ethnography. Pp. 183–195. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ismailov D. Three sabers with wooden hilts of the 17th – mid 19th centuries from the National Museum of the Republic of Kazakhstan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2019. Vol. 18. No. 3: Archaeology and Ethnography. Pp. 146–158. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries AD. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University: Kalantar armor from Central Asia. In: Cultures and Peoples of North and Central Asia in Interdisciplinary Research Contexts. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State

- University, 2013. Pp. 42–63. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. ‘Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi’ as a source of the information of weapons and military symbols for the population of Central Asia in the middle of the 18th century. *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. No. 2. Pp. 506–526. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pronin A. O. Kazakh battle axes in XVIII–XIX centuries in pictorial sources. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2014. Vol. 13. No. 5: Archaeology and Ethnography. Pp. 255–262. (In Russ.)
- Darzha V. K. Traditional Occupations of Tuvan Men. Vol. 1: Livestock Breeding, Hunting, Fishing. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2013. 592 p. (In Russ.)
- Demidova N. F. et al. (comps.), Tikhvinsky S. L. (ed.) Russian-Chinese Relations, 18th Century: Materials and Documents. Vol. I: 1700–1725. Moscow: Nauka, 1978. 704 p. (In Russ.)
- Demidova N. F., Myasnikov V. S. (comps.) Russian-Chinese Relations, 17th Century. Vol. II: 1686–1691. Moscow: Nauka, 1972. 836 p. (In Russ.)
- Interpretations of Words Used in the Six Ministries. Hangzhou: Zhejiang Ancient Books Publ., 1987. 237 p. (In Chin.)
- Karlova E. M. et al. Mortal Beauty: Arms and Armour of India and China. Exhibition catalogue. Moscow: State Museum of Oriental Art, 2015. 368 p. (In Russ.)
- Khorasani M. M. Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tübingen: Legat-Verlag GmbH & Co. KG, 2006. 776 p. (In Eng.)
- LaRocca D. J. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)
- Loseva-Bakhtiyarova T. V. The names of protective armors and equipment in the Turkic languages. *PHILOLOGY. International scientific journal*. 2018. No. 4 (16). Pp. 65–74. (In Russ.)
- Mazarchuk A. V. Common lexis for headgears and adornments in Khalkha, Buryat, and Kalmyk. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies – Elista)*. 2017. No. 6. Pp. 94–102. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-94-102
- Mohamed B. The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 p. (In Eng.)
- Orlenko S. P., Novosyolov V. R., Kurmanovsky V. S. Revisiting the Russian weapons from crucible steel in the 17th century (a case study of the former archive of the Armoury Chamber). *Weapons History Journal*. 2019. No. 7. Pp. 1–61. (In Russ.)
- Pyurbeyev G. Ts. Ikh Tsaz and Khalkha Jirum: military terms in the codes of Oirats and Mongols. In: United Kalmykia in United Russia: Through Centuries into the Future. Jubilee conference proceedings (Elista; September 13–18, 2009). Elista: Dzhangar, 2009. Vol. 2. Pp. 283–285. (In Russ.)
- Rivkin K., Isaac B. A Study of the Eastern Sword. Mankato, 2017. 360 p. (In Eng.)
- Shkolyar S. A. Kitayskaya doognestrel'naya artilleriya. M.: Nauka, 1980. 406 s.
- Slesarchuk G. I. (comp.), Demidova N. F. (ed.) Russian-Mongolian Relations, 1654–1685: Historical Materials. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 560 p. (In Russ.)
- The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Armaments and Military Provisions. Beijing, 2008. 264 p. (In Eng.)
- Unabridged Dictionary of China's Material Culture from Past Eras. Weapons and Instruments of Punishment. Shijiazhuang: Hebei Educational Press, 2002. 516 p. (In Chin.)
- Valikhanov Ch. Ch. Kirghiz weaponry and armor in ancient times. In: Valikhanov Ch. Ch. Collected Works. In 5 vols. Alma-Ata: Nauka, 1961. Vol. 1. Pp. 463–467. (In Russ.)
- Zakharova I. V., Khodzhaeva R. D. Kazakh National Garments, 19th – Early 20th Centuries. Alma-Ata: Nauka, 1964. 178 p. (In Russ.)